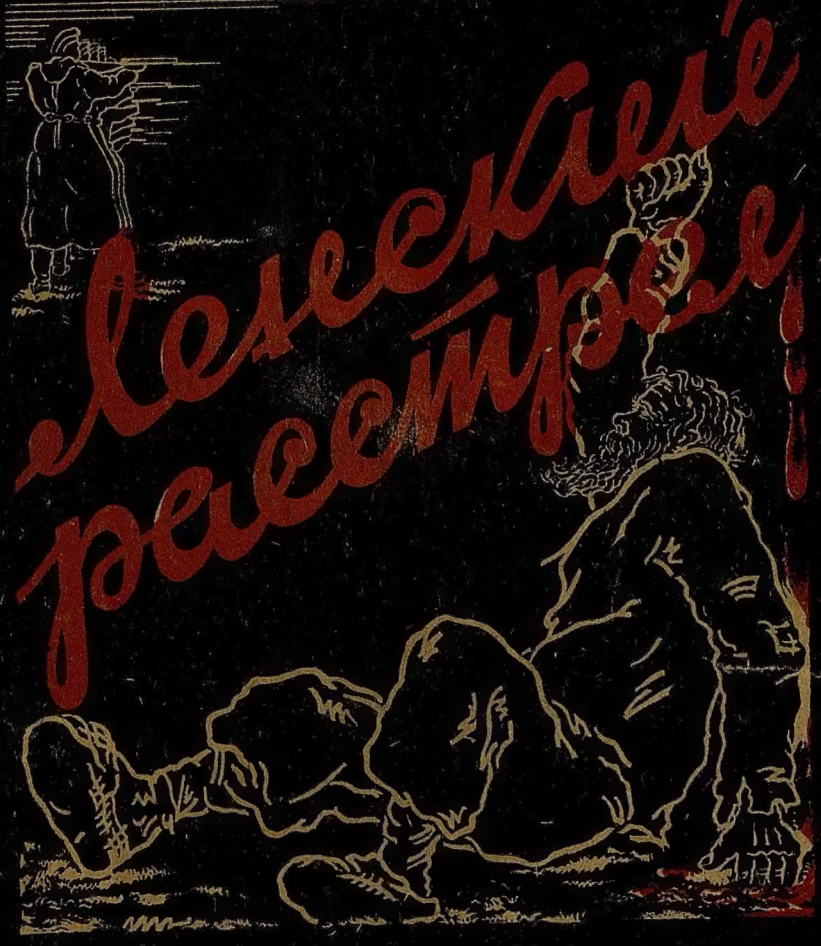
K 97 59 3

К 97 3/59

И. КУДРЯВЦЕВ



Лесные рассказы

УКРАЇНСЬКИЙ РОБІТНИК

И. Н. КУДРЯВЦЕВ

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА

„УКРАЇНСЬКИЙ РОБІТНИК"
ХАРЬКОВ — 1934

Библиографическое описание этого издания помещено в „Літописі Українського Друку", „Картковому Репертуарі", и других показателях Украинской Книжной Палаты

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 2524
22 " IV 1934 г.

Зав. сектором научно-популярной литературы *Езерский М. Н.*
Редактор *Левитов И. А.*
Техредактор *Проховник А. Й.*

Сдано к набору 6/III-34 г.
Подписано к печати 20/III-34 г.

Уполном. главлита № 1154. Тир. 12.500—6½ печ. л. Зак. № 106
Изд. № 9. Бумага: 3¼ л., ф. 62 × 94—38 кг. 1 бум. л.—72 т зн.

2-я типогр. УПП ДВОУ. Харьков, Пушкинская ул. № 40

Автобиографическая заметка

Я с братом приехал на Ленские прииски в 1907 году, весной. До этого времени мы работали на Урале, на Кучумовском платиновом прииске, на реке Косье, в то время принадлежавшем графу Шувалову. По приезде на Лену, нам не удалось поступить на Федосиевский прииск, куда мы вначале попали, и мы нанялись на работу в шахту в дальней тайге на Ивановском прииске. Работали мы там до лета 1909 года. От тяжелой работы и плохого питания брат Алексей умер. Я там работать дальше не мог, поругался с управляющим приисков — Александром Митрофановичем Марковым (за зверское обращение и постоянные штрафы рабочие прозвали его „Зубом"). Меня расчитали, и я ушел в ближнюю тайгу, где стал на работу в Федосиевском прииске — забойщиком. Поработал до самой забастовки, главным образом, на передовых мокрых работах.

В первый же день забастовки (это было 3-го марта) рабочие барака. № 16, где я жил, избрали меня старостой.

После ареста некоторых членов стачечного комитета, 3-го апреля 1912 года, я был избран членом стачечного комитета от Федосиевского прииска.

Трудно говорить о своей работе. Постараюсь осветить жизнь и борьбу рабочих нашего барака и Федосиевского прииска.

За все время забастовки барак № 16 служил примером выдержки, дисциплинированности и солидарности,—в бараке не было ни пьянки, ни карточной игры, ни ссор или скандалов, не было даже обычных семейных схваток между рабочими и женами, не было случаев отказа от нарядов старосты. Рабочих посылали охранять электростанции, водоотливы, продовольственные магазины, склады с горючими веществами, конный двор и т. п. Все эти наряды выполнялись без пререканий. И самое главное — у нас скрывался активный член стачечного комитета — Александр Шишкин. Очень часто ночевал у нас под охраной рабочих председатель стачечного комитета — Григорий Васильевич Черепахин.

В нашем бараке при нашей помощи—тов. Черепахина и моей—была организована женская комиссия из 9-ти человек, проделавшая, при участии всех женщин приисков, большую работу: был собран богатый документальный материал, раскрывавший эксплоатацию женщин на принудительных работах (использование беременных и больных женщин на тяжелых работах, с которыми могли справляться только сильные мужчины, насилия

над женщинами во время выполнения нарядов по уборке помещений холостяков-служащих, расчеты рабочих за протест против насилий и т. д).

Весь этот материал комиссия представила группе столичных адвокатов во главе с Керенским, а также комиссии Манухина.

Наш барак был инициатором того, что федосиевцы, а по их примеру и рабочие других приисков, покидая после расстрела прииски, не отдавали ленцам своего инструмента — стальных буров, плотничьих топоров, кайл и т. д.,—а потопили его в заброшенных старых шахтах, а деревянные вещи, как-то черенки, ручки, лопаты, а также всю домашнюю утварь поломали и сожгли перед бараком.

Федосиевский прииск прославился еще тем, что ни один рабочий прииска не остался работать в „Ленском товариществе". Все выехали в Иркутск — в Сибирь.

При выезде с прииска я был арестован и просидел в Бодайбо, в тюрьме, 3 месяца, после чего меня выслали из Бодайбо по месту жительства под надзор полиции с лишением права поступления на работу в предприятиях Лензолото.

После этого я уехал на Сучанские угольные копи (около Владивостока), где и работал забойщиком до 1914 г.

В ленской забастовке староста играл колоссальную роль. Он не только являлся „хозяином" в бараке, организатором порядка и дисциплины, он был политическим руководителем, формирующим настроения рабочих. Совет старост, существовавший на каждом прииске, был подлинным представителем рабочей массы, да и сами старосты были кадровыми рабочими — забойщиками.

В последующие годы бывшие старосты и рядовые рабочие, выросшие политически на уроках ленской забастовки, были крепкими пропагандистами и агитаторами против капитала, против царского правительства.

Под руководством политических руководителей большевиков т.т. Баташева, Черепахина и других мы, рядовые рабочие, закалились и стали хорошими большевиками, действительными бойцами за дело рабочего класса, за дело Ленина, за социальную революцию.

Ленские забастовщики в 1917 в дни Октября играли руководящую роль в ряде рабочих районов на большинстве сибирских горнозаводских предприятий.

И. Н. Кудрявцев

Вступление

В 1934 году исполняется 22 года со времени жесточайшей расправы над рабочими, которую организовало царское правительство и капиталисты на Ленских золотых приисках.

Эту историческую годовщину мы встречаем в стране Советов, в обстановке величайших побед социалистического строительства. Под руководством партии коммунистов-большевиков, во главе с ленинским ЦК и любимым вождем партии и рабочего класса, великим и мудрым тов. Сталиным, мы, построивши фундамент социалистической экономики, успешно создаем бесклассовое социалистическое общество. „Доказано на опыте нашей страны, что победа социализма в одной, отдельно взятой стране вполне возможна" (Сталин).

Нищая, технически отсталая, полуграмотная и некультурная царская Россия, тюрьма народов, превратилась под властью Советов в передовую, индустриальную, технически вооруженную страну, где, благодаря правильной ленинской национальной политике, к социалистическому строительству приобщены многочисленные национальности и народы.

Создана крупная, технически передовая, мощная тяжелая индустрия — база социализма.

Создание такой технической базы, социалистическая реконструкция сельского хозяйства, успешное развитие коллективизации, ликвидация кулачества, как класса, на основе сплошной коллективазации—создали предпосылку и базу для построения в течение второй пятилетки бесклассового социалистического общества.

За период первой пятилетки Советский Союз „преобразился в корне, сбросив с себя обличие отсталости и средневековья. Из страны аграрной он стал страной индустриальной. Из страны мелкого единоличного хозяйства он стал страной коллективного крупного механизированного сельского хозяйства. Из страны темной, неграмотной, некультурной он стал—вернее, становится—страной грамотной и культурной, покрытой громадной сетью высших, средних и низших школ, действующих на языках национальностей СССР“ (*И. Сталин.* Отчетный доклад XVII съезду ВКП(б).

Эти исторические победы обеспечили систематический рост материального благополучия трудящихся города и деревни.

„Преимущества советского строя уже на достигнутой ступени развития позволили полностью ликвидировать безработицу, ввести семичасовый рабочий день, уничтожить обнищание и пауперизм в деревне“ (из резолюции XVII партсъезда по докладу т.т. Молотова и Куйбышева).

Окончательная ликвидация остатков паразитических классов, дальнейший рост народного дохода обеспечат в течение второй пятилетки еще больший подъем материального благосостояния рабочих и колхозных масс, дадут возможность повысить уровень потребления трудящихся в 2—3 раза.

В течение второй пятилетки мы ставим своей задачей завершить социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства, освоить новую технику и новые производства.

Этому успешному развитию социалистического строительства в СССР противостоит развал экономики в капиталистических странах, не выходящих из состояния кризиса. В капиталистическом мире в результате затяжного экономического кризиса происходит обострение политического положения как внутри капиталистических стран, так и между ними. На очереди поставлена война, как способ разрешения этих противоречий.

Развал экономики, продолжающийся общий кризис капиталистического мира вызвали огромную небывалую нищету,

разорение и голод среди широких масс трудящихся. Десятки миллионов безработных, миллионы разорившихся крестьян, ликвидация пособий по безработице, удлинение рабочего дня, увеличение смертности среди трудящихся— таков баланс капиталистического мира.

Задыхающийся от кризиса, как следствия капиталистической системы, рабочий класс ищет выхода в социальной революции.

„Народные массы не дошли еще до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но что идея штурма зреет в сознании масс—в этом едва ли может быть сомнение" (*И. Сталин.* Отчетный доклад XVII партсъезду).

Подтверждением этого может служить испанская революция, рост советских районов в Китае, рост единого антифашистского фронта, забастовочные бои во Франции баррикадные бои в Австрии.

Этим ростом революционной боевой активности рабочих масс и объясняется тот факт, что господствующие классы в капиталистических странах организуют кровавый террор против рабочего класса, что воинствующий фашизм все более находит приверженцев среди буржуазии, что загоняются в подполье коммунистические партии. Буржуазия для сохранения своей диктатуры открыто переходит к террористическим методам.

В свете происходящих событий особенно поучительна история классовых боев на Лене, которым посвящена наша книга. Ленская бойня должна еще раз напомнить рабочему классу Советского Союза, особенно нашей рабочей молодежи, о беспощадной классовой борьбе, которую вооруженные до зубов империалисты проводят как у себя в метрополиях, так и особенно в своих колониях, ибо Ленские прииски были не что иное, как колония английского капитала, который грабил народ с помощью и при поддержке жандармов бывшего царского правительства. И на правдивом рассказе о ленских событиях рабочие, работницы и наша молодежь должны запомнить, что капиталисты без крови и без боя своих позиций не сдают. И чем ближе к развязке, тем упорнее и беспощаднее ведется классовая борьба,

но тем бдительнее, сильнее и организационно сплоченнее должен быть рабочий класс не только у нас в советской стране, но и во всем мире.

Несокрушимой монолитной стеной мы должны сплотиться вокруг коммунистической партии в каждой стране и все вместе вокруг III Коммунистического Интернационала под знаменем Ленина и Сталина, под знаменем второй боевой пятилетки, пятилетки построения бесклассового социалистического общества — и победа будет обеспечена.

Нужда и безработица гнали людей на прииски

Лет тридцать тому назад, слухи о сказочных богатствах Ленских золотых приисков передавались из уст в уста не только в селах и деревнях Сибири, но и далеко за пределами Урала. Говорили о том, что на приисках находят самородки чистого золота по фунту, по два, а иногда даже и пудовые.

Эти слухи были выгодны капиталистам-хозяевам, как приманка для дешевой рабочей силы. Правда, известно было, что на золотые прииски принимают только очень сильных людей, не очень молодых, но и не старых. Говорили о целой системе испытаний, применяемых при найме на прииски*).

Но несмотря на жесткие меры приема, желающих попасть на прииски и попытать „счастье" находились тысячи. Нужда, малоземелье, безработица гнали людей на прииски. Правда, добраться туда было не легко: на дорогу нужно было не менее 100 рублей, которых у ищущих работы на приисках, конечно не было. Высококвалифицированным рабочим иногда еще удавалось добиться в Иркутске проезда на прииски за счет Ленского золотопромышленного товарищества (владельца промыслов). Остальным рабочим, желающим попасть на прииски, в том числе и забойщикам приходилось двигаться на свои собственные средства. Чтобы меньше тратить денег на проезд, основная масса рабочих приурочивала выезд к весне — в апреле и мае, когда можно было добраться до приисков, нанявшись за

*) Все это действительно применялось в Иркутской конторе Ленского золотопромышленного товарищества: подъем и выжимание тяжестей, проба на выносливость, а также устойчивость против мороза и т. д.

харчи, на работу, на барки и кулибины, плывущие вниз по Лене. На Великой Сибирской железной дороге есть станция Тыреть. С этой станции и начинались мытарства рабочих, желающих попасть на Ленские прииски. От станции Тыреть по Балаганскому тракту до пристани Жигалово, по реке Лене, 389 километров. Большинство рабочих по этой таежной дороге шли пешком и ночевали в зимовьях без света, а иногда сами рубили дрова тут же в тайге, чтобы протопить зимовье и согреть чай.

Шли больше артелями, собирая артели по губерниям—томичи, тоболяки, вятские, нижегородцы, симбирцы. Пройдя за неделю расстояние от железной дороги до реки Лены, рабочие располагались на берегу Лены в деревнях, устраиваясь по нескольку десятков человек в крестьянской избе в ожидании, когда тронется лед.

Здесь уже их дожидались подрядчики и спекулянты: прибывала дешевая рабочая сила, которую можно было использовать на погрузке хлеба и скота, сплавляемого каждую весну вниз по реке Лене на прииски в паузках, кулибинах и баржах. По большой весенней воде эти многочисленные деревянные посудины плыли около 2.000 верст до пристани Витим. И на эти-то баржи и кулибины подрядчики нанимали рабочих—приискателей, сопровождать груз. Работая круглые сутки на веслах, зачастую за один только хлеб, рабочие добирались таким образом до пристани Витим, дальше ехали на Бодайбо откуда и расходились по приискам и тайге.

От Жигалова до Витима 1812 километров. Оба берега Лены покрыты хвойными лесами и изобилуют горными массивами; местами эти горные массивы придвигаются к самому берегу, образуя отвесные скалы. Одно место на Лене ниже города Киренска называется Щеки — там Лена охвачена каменными громадами с обеих сторон и около километра проходит как бы сквозь каменные утесы. Дальше, за Щеками крутой поворот, и вся масса воды упирается в скалу, называемую „Пьяный Бык“. Несколько дальше находится меньшая скала — „Пьяная Телка“; около этих двух скал неосторожные лоцмана ежегодно топят барки и кулибины.

Весь путь до Витима лоцманы и рабочие неусыпно следят, как бы бешеный разлив быстро текущей реки Лены не разбил то незатейливое суденышко, на котором плывут рабочие и находится хлеб и товары. Путь от Жигалова до Витима, если не бывает без аварий, проходят в 14 дней.

Село Витим стоит на левом берегу Лены. Это село славилось тем, что здесь приискателей обирали до нитки. Тех, кто пил водку, спаивали и обирали, а кого не могли поймать на эту удочку, для тех придумывали другие приманки. И в этом разбойничьем гнезде погибало много рабочих, которым удавалось вывезти золото с приисков.

С правой стороны в реку Лену вливается, изобилующая порогами, река Витим, еще более быстрая и опасная, чем Лена. По реке Витиму только первые 373 километра до города Бодайбо могут ходить пароходы,—(все ее протяжение 1380 километров)—а дальше она совершенно непроходима для судов из-за огромного количества подводных скал и порогов.

Вот такими путями добирались рабочие на сказочные Ленские прииски.

Высадившись с парохода в городе Бодайбо, рабочий сразу попадал в царство Ленского акционерного товарищества. Там были главные механические мастерские, железнодорожное депо, пристани, склады, а также магазины Ленского акционерного товарищества. И только незначительная часть населения городишка являлась частными жителями, большинство которых занималось торговлей спиртом, тайной скупкой золота, или занималась кустарными промыслами.

Вновь прибывшего человека поражала страшная дороговизна на хлеб и на все прочие съестные продукты. И неудивительно: если на Лене по ее берегам имелись скудные поселки, около которых жители разводили кое-какие неприхотливые хлебные культуры, то вокруг Витима и Ленских приисков на 1000 верст кругом не обрабатывалось ни одного куска земли. Непроходимая тайга, горные речки и ручьи, золотые прииски—и больше ничего! От Бодайбо через каждые 5-6 верст по золотоносной реке того же

названия расположены были работающие и частью уже брошенные прииски.

Обычно, у большинства приезжих рабочих, с трудом добравшихся до приисков, не имелось уже ни копейки денег, и они артелями по 5—8 человек шли пешком от прииска к прииску, в поисках работы.

Первые же встречи с местными приискателями разочаровывали новичков: как мужчины, так и женщины, жившие на приисках, не были похожи на счастливых людей — лица испитые, утомленные, одежда у рабочих дальних (более бедных) приисков — из мешков. Они очень охотно расспрашивали, кто из какой губернии, пытаясь найти земляков и восстановить хотя бы слабую связь со своей бывшей родиной. Большинство из них жило на приисках по 5—8 и даже по 15 лет. Обычно каждый приезжий рабочий вначале питал надежду найти самородки, заработать денег и уехать домой, но ленские заправилы так искусно организовали эксплоатацию рабочих, что те очень скоро переставали мечтать не только о заработках или самородках а и о том, чтобы вырваться когда-либо из этой каторги и уехать. Большинство рабочих, попав в кабалу, безнадежно, изо дня в день тянули лямку на тяжелых работах Ленского золотопромышленного товарищества.

В те далекие времена заманчивыми, по своему богатому содержанию золота, были два прииска: в ближней тайге — Федосиевский и в дальней тайге — Ивановский. Поэтому, вновь прибывшие рабочие обязательно старались попасть на эти прииски. Весной, во время сплава по Лене, вернее, во время наплыва рабочих на Ленские прииски, у контор этих двух приисков, где обычно нанимают рабочих, дежурили целые толпы вновь прибывших, оставаясь у контор даже на ночь, чтобы быть в передних рядах, скорее попасть на глаза начальства и достать работу.

А начальство это — был становой (так назывался управляющий всеми поверхностными работами приисков), который имел право нанимать и рассчитывать рабочих.

Наем рабочих был сплошным издевательством над людьми. Стоит толпа в несколько сот человек, а становой из

открытого окна конторы кричит: „Эй ты, красная рубаха, иди сюда и давай паспорт". Рабочий пробирается через толпу к окну и дает паспорт. Становой вдруг зло отталкивает его: „Куда ты с таким пузом лезешь? ты в забое не повернешься, наверное, ты из „косопузых" (издевательская кличка для симбирских и нижегородских рабочих, которых за их маленький рост и особенный аппетит по всем приискам называли „косопузыми").

Потом становой кричит следующему:

— Эй ты, длинный нос! Иди сюда...

Все оглядываются, отыскивая, у кого длинный нос, становой хохочет. И такое издевательство продолжалось 3-4 часа подряд, пока пьяный самодур не выбирал 10, самое большее 15 человек, а потом закрывал окно и уходил, оставляя рабочих ждать до следующего дня. На следующее утро та же картина наглого издевательства. На Федосиевском прииске был становой Станукинас. Тот имел обычай задавать вопрос:

— Ты семейный или холостой?

— Холостой.

— Нам холостых не надо.

Тогда другие рабочие продвигались к окну и заявляли, что они семейные. Становой начинал допрашивать, молодая ли у него жена, красивая ли и т. д., доходя в своих издевательствах до крайних пределов цинизма, так что рабочие убегали без оглядки от окна.

До открытия промывки песков, т. е. до конца мая, продолжалась эта мучительная процедура, так называемый наем рабочих. Полным ходом работы на приисках начинались 20-го мая, и тогда прекращался наем на целое лето. Оставшиеся за бортом рабочие расползались кто куда—на бедные и отдаленные прииски, на старательские работы. Многие уходили на лесозаготовки, на сплав леса по горным речкам и по бурному Витиму, где работа была сопряжена с большими опасностями. В дальней тайге лучшим прииском считался Ивановский, где также издевались над рабочими при найме. Там этим занимался становой Марков, которого рабочие за зверские приемы прозвали „Зубом".

Кабальные условия работы на приисках

Попав на работу, рабочий сразу же начинал чувствовать на себе сильнейший гнет и эксплоатацию. Кабальный договор, который он обязан был подписать при поступлении на работу, превращал его в раба товарищества.

Вот выдержки из этого договора: *)

Тысяча девятьсот . . . . . года . . . . . дня, мы нижеподписавшиеся, разного звания рабочие люди, заключили настоящий договор с управлением промыслами Акционерного Общества Ленское золотопромышленное товарищество в нижеследующем:

1. Мы, рабочие, нанялись на промыслы означенного товарищества, находящиеся в Витимском и Олекминском горных округах, сроком со дня назначения и выхода каждого из нас на работу впредь по десятое сентября тысяча девятьсот . . . . . года.

2. В течение этого срока мы обязуемся исполнять точно, добросовестно и аккуратно всякого рода горные, цеховые и домашние работы на приисках и резиденциях Ленского товарищества, а также в его поисковых и разведочных партиях куда бы нас ни назначило промысловое управление, ни в каком случае не позволяя себе отказываться от порученной каждому из нас работы, или переменять ее самовольно на другую, и повинуясь беспрекословно указаниям служащих, руководящих работами.

3. Если бы кто из нас был нанят для выполнения какой-либо специальной работы, требующей знания какого-нибудь мастерства или искусства, то об этом должна быть сделана отметка при подписании таким лицом настоящего договора, в противном случае нанятый обязуется исполнять всякую общую работу, какая ему будет поручена, но и нанявшихся по какой-либо специальности управление вправе ставить на общие работы, если окажется, что специальность эта таким лицам недостаточно хорошо известна. . . . . .

*) Историко-революционный архив, Москва, фонд чрезвычайной следственной Комиссии сенатора Манухина, дело 33 — 1912 г. Центрархив, Ленские события 1912 г. страницы 1-6.

5. Если мы будем наняты на резиденции в г. Бодайбо, то, следуя на прииски, должны проходить не менее двадцати пяти верст в сутки, причем получаем от управления одно только суточное довольствие — по два с половиной фунта ржаных сухарей на человека без всякого другого вознаграждения. При переводе с одного прииска на другой, от чего уклоняться мы не вправе, мы должны совершать переход в свободное от работы время, не получая за это особой платы, если расстояние не превышает пяти верст; при переводе же на прииск, отстоящий на более значительное расстояние, мы должны проходить не менее двадцати пяти верст в сутки и получаем в пути плату по 75 коп. в сутки без пищевого довольствия.

6. На работающих приисках управление дает нам безвозмездно: помещение, дрова, баню один раз в неделю и воду, которая подвозится нам лишь в том случае, если источник ее отстоит от нашего жилья далее ста саженей, в противном случае мы должны приносить ее сами. Во время же командировки для работ в такие места, где нет постоянных жилых помещений, мы должны, в случае надобности, строить себе сами временные приспособления для жилья.

7. В случае болезни, признанной приисковым врачем, каждый из нас имеет право на безвозмездное лечение и содержание в приисковой больнице, где не работающий по болезни обязан оставаться все время, пока не будет выписан врачем, но платы за это время не полагается. Во избежание занесения заразных болезней, управление может во всякое время подвергнуть нас медицинскому осмотру, уклоняться от которого ни мы, ни члены нашего семейства не вправе.

8. Рабочий день должен заключать в себе: с 1-го апреля по 1-е октября одиннадцать с половиной рабочих часов, а с 1-го октября по 1-е апреля — одиннадцать часов; обеденный перерыв, назначаемый по усмотрению управления, в число этих часов не входит. При работах на две смены назначение нас в дневную или ночную смену зависит вполне от управления; число рабочих часов ночной смены не должно превышать десяти. В случае надобности управление может назначить три восьмичасовых смены и тогда мы обязуемся работать без перерыва для отдыха всю смену, т. е. восемь часов. Работающие при золотопромывательной машине, именно: галечники, люковщики, мазилки, плотники и промывальщик обязаны оставаться при съемке золота и после обеденного и вечернего звонков или свистков до окончания съемки.

9. В зимнее время, т. е. в период с 1-го октября по 1-е апреля нам полагаются отдыхи, указанные в законе; в летнее же время с 1-го апреля по 1-е октября отдыхи даются нам по усмотрению управления два раза в месяц — общий или артелями.

. . . . . .

11. Управление производит нам один раз в месяц в назначенный им же день, в счет нашего заработка, сообразуясь с последним, отпуск необходимых нам товаров и припасов по ценам, утвержден-

ным окружным инженером, а также выдачу деньгами в размере, по усмотрению приискового управления. Тем же из нас, которые окажутся должны управлению, последнее может безусловно отказать в каком бы то ни было отпуске или выдаче. Полная доплата деньгами всей следуемой нам по расчету суммы должна производиться не ранее, как по окончании срока этого договора.

12. На прииски мы должны, нанявшись на работу, являться одни, семьи свои можем приводить не иначе, как получив на то письменное разрешение управления и в последнем случае пришедших с нами женщин и подростков обязуемся, по требованию управления, посылать на работу, отказываться от которой прибывшие с нами члены семьи не вправе, в противном случае подлежат удалению с приисков. В случае несогласия со стороны мужа (отца или брата) на удаление семьи с прииска по предложению управления, управление вправе рассчитать рабочего, как нарушившего контракт. Женщины, назначенные в прислуги, получают по 30 коп. в сутки и готовое содержание, или же по 60 коп. в сутки без содержания от того лица, у которого будут находиться в услужении; назначенные же на поверхностные горные работы женщины получают $^2/_3$ платы по таксе для рабочих мужчин. Кроме исполнения платных работ, женщины обязаны безвозмездно мыть полы в помещениях, где живут, и вообще заботиться о содержании этих помещений в надлежащей чистоте и порядке. Подростки получают за горные работы от 50 до 75 копеек в день. Женщины и подростки, будучи назначены на роботу, получают те же книжки и подчиняются тем же правилам, что и остальные рабочие.

. . . . . .

14. Никто из нас не вправе давать у себя приют праздношатающимся и вообще принимать без разрешения управления кого-либо из посторонних, не работающих на приисках Ленского товарищества, а в особенности оставлять у себя таких лиц на ночь.

. . . . . .

16. Управление имеет право налагать на нас денежные взыскания в размере, обусловленном законом, т. е. каждый раз не свыше 5-ти рублей, по следующим поводам: а) за неисправную работу, б) за прогулы и в) за ослушание, грубость, пьянство и вообще, за всякое нарушение порядка.

. . . . . .

18. Управлению предоставляется удерживать с каждого из нас по 2 р. 50 коп., а с жен наших по 1 р. 50 коп. впредь за всю операцию на содержание больницы для бесприютных приисковых рабочих.

19. До окончания срока настоящего договора никто из нас требовать себе расчета без особо уважительных причин, указанных в ст. 44 приложения к ст. 661 уст. горн., не имеет права. Управление же может уволить нас во всякое время по одной из следующих

причин: а) за неспособность к работе, б) за неявку на роботу более трех дней без уважительных причин; в) за леность; г) за дерзость или дурное поведение; д) в случае обнаружения у кого-либо из нас заразительной болезни; е) за сборища толпами, угрожающие порядку и спокойствию и ж) за всякое вообще нарушение с нашей стороны в чем-либо настоящего договора.

20. Перед окончанием срока договора всякого рода претензии по расчетам должны быть заявлены нами не позже как до двадцатого числа августа. После этого срока никакие жалобы к рассмотрению управлением не принимаются. Всякого рода выдачи в расчет по книжкам как припасов и товаров, так и денег безусловно прекращаются с 1-го по 10-е сентября.

Трудно приходилось новому рабочему на золотых приисках. Новичков распределяли в старой артели. Отдельные артельщики часто издевались над новичками: посылали их в забой с обрушенной кровлей, где все трещало, напуганный рабочий, как сумасшедший, бежал оттуда, не помня себя; не предупредивши о глубине штрековой водоотливной канавы, предлагали новичку достать самородок золота, — рабочий попадал по пояс в ледяную воду. Это называлось „крещением" новых рабочих. Были проделки еще хуже: под землей работали со стеариновыми свечами, с этой свечей посылали рабочего в вентиляционный штрек, там сильным течением воздуха гасило свечу, и если у новичка не было с собой спичек, он должен был пробираться впотьмах сотни метров, чтобы выйти из шахты.

А каковы были условия повседневной работы?

Большинство золотоносных пластов лежат на глубине 42 — 52 метров от поверхности речки и ручья, поэтому работы производились шахтами. Шахты, штольни и штреки должны быть крепко закреплены, для чего требовались лиственничные *) подхваты и стойки. Такой лиственничный подхват, 3 метр. 20 сант. длины и 28 сант. в диаметре, весит не менее 195 килограммов, — а больше, как двум рабочим, не полагалось нести этот подхват.

Золотые пески находятся в каменистом грунте. Камни в забое бывают до 244 килограммов весом. Малейшая не-

*) Сибирская лиственница — дерево крепкое, как дуб, и очень тяжелое, употребляется как строительный материал для судов и подводных сооружений.

осторожность — и увечье на целую жизнь, нередко и смерть. Откатка золотоносных песков производилась вручную в деревянной тачке на чугунном колесе; тачка с породой имела вес от 114 до 147 килограммов, смотря по породе.

Иногда забой от устья шахты удалялся на 230 — 280 метров и в течение рабочего дня (продолжительность рабочего дня была летом $11^1/_2$ часов, а зимой 11 часов) приходилось двум рабочим на двух тачках вывозить на таком расстоянии три четверти куба тяжелой золотоносной породы. Не всякая лошадь могла выдержать такое дьявольское напряжение сил.

Работа в шахтах и забоях настолько была трудна, что теперешний горняк-забойщик даже не может представить себе тех норм, какие приходилось выполнять на приисках.

На Федосиевском прииске в целом ряде забоев, в верхах, можно встретить запеку (глина с галькой), которую не берет ни кайло, ни буростряк (остроконечный стальной бур длиною 8—9 четвертей), а другие приспособления подобрать было трудно, ибо в то время перфораторных установок на Ленских приисках не было. И вот, в таком забое (а их было очень много) по норме на 4 человека нужно было при ручной откатке породы на расстоянии 280 метров выработать 3 кубических метра, для чего нужно было повесить 6 стоек, полностью закрепить и почистить забой. Каждый нес два остро отбитых кайла для себя и два бура на артель, но к концу смены не хватало ни кайла ни буров — все притуплялось об эту проклятую запеку.

Были и мягкие забои. Но в них были другие трудности. Например, в дальней тайге на Ивановском прииске, вверху над золотом был голый решник — песок, который приходилось закреплять клиньями с сеном и хвоей, и малейшая неосторожность забойщика грозила засыпать всю штольню и всех работающих в ней. Каждый забой имел свои трудности: в одном требовалось страшное напряжение мускулов и расход энергии, в другом все время мучила боязнь, что вот-вот засыплет, похоронит живым в забое. Но рабочие считали за счастье работать и в таких забоях,

ибо были и такие места, в которых долго выдержать не могли самые крепкие люди. Туда посылали рабочих, замеченных в „лености" или „грубости". Одним из таких мест была Ледяная канава зимой, наверху. Туда посылали за прогулы, оскорбления и неисправную работу. Понятия эти были настолько растяжимы, что любой смотритель, любой нарядчик или стражник могли на две недели послать каждого рабочего на эту Ледяную канаву.

Был еще другой способ сломить непокорного. Все шахты на приисках полны водой; для стока этой воды в старых брошенных шахтах по руслу речки сохраняется штрековая канава, по которой сбегает вода из верхних шахт и далеко за прииском естественным путем выходит из штрековой канавы. Там, где естественного отлива устроить нельзя было, воду из штрековой канавы откачивали водоотливом. Эта канава постоянно засаривалась илом; для прочистки от ила рабочим приходилось сидеть 8 часов подряд по пояс в воде. Это не лучше ледяной канавы — вычерпывать ил лопаткой и таскать его в ведре или подгонять лопаткой за 20—30 метров по пояс в воде. Надо помнить, что вода ледяная в любое время года, а выдаваемые специальные сагиры (род шаровар) слабо защищали от воды и холода.

Приискатели шутливо говорили, что за один удар смотрителю по носу можно получить две недели ледяной канавы, а за тот же удар по носу стражника — месяц штрековой канавы. Расплата была жестокая, но охотники „пошутить" все же находились.

Условия, в которых приходилось работать на приисках, создали особый тип приискателя-горняка. Сила, находчивость и смелость были основными чертами рабочих Ленских приисков. И другая характерная черта их была— это чрезвычайно развитая солидарность и артельная спайка между приискателями.

За весь свой каторжный труд рабочий по договору с ленцами получал на поверхностных работах 1 р. 20 коп. в день, а на подземных 1 р. 60 коп. Все сдельные расценки в шахте, забое проводились из рассчета 1р.60 коп. Самые ловкие и старые забойщики при всем напряжении сил

редко зарабатывали больше 2-х рублей в день. Такова была заработная плата на Ленских приисках.

На приисках применялась жестокая штрафная система. За невыход на работу — штраф — полтинник, за оскорбление нарядчиков и служащих — рубль и больше; за недовыработку норм тоже штрафовали.

Все эти карательные меры сильно озлобляли рабочих и подготовляли ленскую забастовку. Особенно отличались служащие и штейгера Ленского акционерного товарищества обращавшиеся с рабочими, как с париями, как с низшей расой. Они были не только жестокие эксплоататоры, но и варвары и истязатели. Целый ряд из них были заклеймены рабочими разными названиями. Становой Ивановского прииска был прозван за зверское отношение к рабочим и их семьям „Волчьим зубом". Смотритель 45-й шахты на Федосиевском руднике за обмеривание рабочих на сдельных работах, за ежедневные штрафы был прозван „Цирульником" Смотритель 49-й шахты каждый день прогонял рабочих с работы, ругал их площадной бранью, применял зуботычины — имел кличку „Чугунный апостол". А смотритель 50-й шахты и его помощник были прозваны — один „Плакса", а другой „Тужилка" за то, что сколько бы ты ни работал, вечером, когда они приходили замерять, обязательно найдут какую-нибудь неполадку, придерутся и будут ругать: плохо работал, нечисто почистил забой, неправильно поставил стойку или оставил в забое щетки, камни и т. д. и т. п. И это изо дня в день. Такие придирки и упреки укрепили за ними название „Тужилки" и „Плаксы".

В административно-полицейском надзоре не было недостатка. Существовала тройная система административного зажима рабочих. Кроме смотрителей и служащих, распределяющих и контролирующих работу в шахтах и шурфах, существовали кадры нарядчиков, специально надзиравших в шахте за поведением рабочих. Затем был целый ряд стражников, дежуривших каждую смену по 2—3 человека в шахтах. Если они замечали в каком-нибудь забое подъемное золото, то садились с блендой (род фонаря) у забоя и не

отходили до конца работы этого забоя ни на шаг. А для таких шахт, как знаменитая 46, в устье Гатчинского ключа на Федосиевском прииске, нанимали специальных запасных стражников из горных кавказцев, которые, кроме револьвера, имели еще короткое ружье. Забойщики окрестили их „черными охотниками".

Рабочие ненавидели администрацию и служащих. Помогая друг другу, рабочие старались, где это можно, пробивать тройную стену административного зажима. Поэтому совершенно не случайно одним из первых требований ленских забастовщиков было: немедленно убрать высшую администрацию и часть низшей, а также двух стражников Королева и Мякишина (на это требование рабочих ленцы — акционеры ответили отказом).

Но всего страшнее для рабочих были „черные книги", заведенные на каждом прииске,—попавший в „черную книгу" рабочий за какое-либо оскорбление начальства или даже за невыработку каторжных норм в забое, уже не мог поступить на хозяйскую работу, а должен был таскаться по старательским работам, работать на сплаве, на лесозаготовках. Некоторые затравленные таким путем рабочие собирались артелями и ночью тайком копали золото в старых брошенных шахтах, ежеминутно рискуя жизнью, ибо в эти шахты спускали воду и в них легко можно было погибнуть от наводнения. Таких рабочих звали копачами—хищниками, и когда казакам удавалось их поймать, то без суда и следствия их сажали на 6 месяцев в тюрьму, за то, что в заброшенных шахтах изгнанный рабочий, рискуя жизнью, пытался добыть себе на существование один или два золотника золота.

Положение семейного рабочего на приисках было еще хуже, чем холостого. При найме, семейного обязывали, чтобы его жена по первому требованию конторы выходила на работу за плату не свыше 75 коп. в рабочий день; а в большинстве случаев платили 50 коп. Женщины отвозили гальку на лошадях и ефелях с промывательных машин, конопатили сплотки для водоотливов, ездили в лес рубить прутья, собирать мох, прибирали жилые помещения, кон-

торы, механические мастерские, казармы. Кроме этого, на женах семейных лежала обязанность следить за чистотой своего барака, стирать белье и варить пищу для так называемых „сынков“*). Но самой тяжелой и унизительной для женщины была обязанность ходить по наряду к служащим и нарядчикам в общежития (на рабочем языке они назывались „малинниками“), а также на уборку квартир штейгеров: там женщины часто подвергались гнусным приставаниям. И если семейный рабочий протестовал против принудительного труда своей жены, или если его жена не угождала чем-нибудь начальству, то рабочего немедленно рассчитывали и выбрасывали из барака или, в лучшем случае, переводили на самую худшую работу, или на более отдаленный, а поэтому еще более скверный прииск.

*) „Сынок“ и „мать“—это таежный термин; „мать“ — это женщина, которая варит на артель и стирает белье, а „сынки“—это вся артель рабочих, хотя бы им было по 60—70 лет.

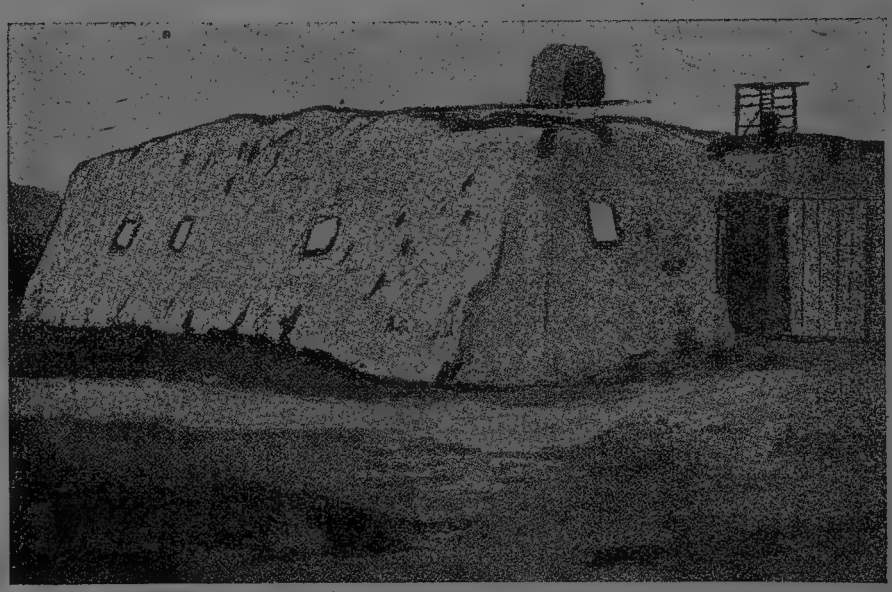
В КАЗАРМЕ БЫЛО НЕ ЛУЧШЕ, ЧЕМ В ШАХТЕ

Картина каторжной жизни рабочих на Лене будет неполной, если не остановиться на бытовых условиях приискателей и их семей. Ленское товарищество принимало на прииски преимущественно холостых, — семейных рабочих допускало небольшое количество; жены и дочери семейных обязаны были, по условию найма, наблюдать за чистотой казарм: мыть полы, белить стены, топить плиту, таскать дрова, золу, носить воду, требуемую для мытья полов и для питья, зачастую за 200 — 300 метров. Вся эта работа выполнялась бесплатно, только за то, что ленские магнаты разрешали жить в их бараках жене при муже, или дочери при отце. Больше того,—администрация приисков, разместив по 4—5 чел. семейных по углам, в бараках и казармах, прикрепляла к каждой женщине по 8—10 чел. холостых, которым она обязана была варить пищу на общей плите и стирать белье. Холостяки платили за это по 3 рубля в месяц.

Приискатель после каторжной, утомительной, тяжелой работы выходил из шахты и шел в казарму, но и там он не имел сносного отдыха. После работы он должен был итти на хозяйскую кухню получать хлеб и мясо, а затем в кузницу острить инструменты — бур, кайла и подсвечники (работали без электричества, со стеариновыми свечами, подсвечники втыкались в породу и часто ломались, так как золотоносные породы были очень крепки), точить топоры, без которых нельзя было работать в шахте.

Бараки и казармы не были приспособлены для отдыха и недаром их называли „кобыльими бараками". Конюшни для лошадей были лучше и содержались в более санитарных условиях, нежели бараки.

Юрта—рабочее жилище на приисках в 1912 году



В одном бараке помещалось в среднем 50 человек. Нары были общие, незагороженные. Семейные жили в углах, затянутых ситцевой занавеской,—муж, жена и дети на одной койке

Такие помещения, какие были для рабочих на ленских приисках, трудно в наших советских условиях и представить себе. Вот, например, казармы на знаменитом Федосиевском прииске. В кобыльем бараке (он так и назывался в официанальных бумагах, так как был построен когда-то из конюшни), помещались семейные и холостые — все вместе. Всего жило до 1—5 семейных и человек 70 холостых. Барак был длиной в 34 метра, шириной в 8 метров; во всю длину барака шли тройные нары и два прохода. Потолок подперт целым рядом стоек. От пола до потолка было всего 2 $^1/_2$ метра. Посредине барака находилась колоссальная плита, на которой варили пищу, стирали белье, сушили грязную мокрую одежду.

По субботам в бараках как только приходили вечером после бани домой начиналось „празднование“: жарили мясо, покупали у „матерей“ вино. Часам к 6-ти утра половина кобыльего барака, имевшая деньги или кредит у „матери“,

Рабочие дома на Лене после Октябрьской революции

была пьяна; распевались песни, в каждом углу наигрывала гармонь. Сколько я помню, за два года моей жизни в этом бараке, рабочие там всегда жили группами, отдельно друг от друга: человек 20 татар, 10—15 тоболяков, человек 20 нижегородцев и человек 30 вятичей. У каждой группы своя гармошка и все они пилят на ней свой родной мотив. У семейных кричат ребятишки, из-за пьянки взрослых невыспавшиеся за ночь. В углу начинаются дикие семейные сцены: скандалы и побои женщин при такой скученности на почве ревности — обычное явление в тайге. В такие дни этот пьяный хаос,—крики, плач,ругань, чад, дым, грязь, зловонные испарения,— покрытые сплошным льдом окна, почти незакрывающиеся двери, заиндевелые стены бараков,—все это больше напоминало плохую пересыльную тюрьму, чем казарму для жилья.

Воистину лошадям Ленского товарищества жилось лучше и они пользовались большими привилегиями, нежели рабочие. Например, конюшня на Федосиевском руднике стояла на полугоре и получала достаточно света и воздуха; пол был совершенно сухой, между тем, как ниже этой

конюшни, куда стекали все нечистоты, находились рабочие бараки.

Ленское товарищество не только не старалось избавиться от казарм типа кобыльего барака, но охотно насаждало их, считая, что в силу дороговизны леса и недолговечности приисков лучших помещений для рабочих нельзя строить. Поэтому, во время забастовки одним из основных требований было: отделение семейных от холостых и устройство для холостых бараков по корридорной системе, с комнатами. Это требование акционеры отвергли.

Резкую противоположность рабочим казармам представляли собою жилища административно-технического персонала. Простой десятник в Ленском товариществе имел отдельную квартиру из двух комнат и кухни, пользовался правом иметь при себе семью и получал усиленный паек на себя, жену и детей. Кроме этого, десятникам продукты привозились с продовольственного склада на хозяйских лошадях, ходили они в особые бани и получали в год двухнедельные отпуска, имели право каждое воскресенье ездить на базар на хозяйских лошадях вместе со своими женами. За это ленцы от него требовали, чтобы он не смел заходить в рабочие бараки, здороваться с рабочими и вобще иметь какое-либо общение с рабочими, в быту или на работе.

Смотритель шахты и его помощник получали целый дом в свое пользование, в котором было от 5 до 7 комнат жилого помещения, конюшня для пары лошадей, хлев для 2 коров и домашнее хозяйство. Смотрителю шахты полагалась казенная работница на кухне и кучер. Смотритель и его помощники имели право входа в так называемое собрание служащих, куда десятники не допускались.

Бытовые условия горных инженеров, управляющих и их заместителей, управляющих дистанциями были барскими. У каждого инженера и управляющего имелось по две пары выездных лошадей, по 3—4 чел. прислуги, от 3 до 4 кучеров и дворников. Все это находилось в его доме под рукой, дежурная пара лошадей всегда была в упряжи, а дежурный кучер одет. Администрация, начиная от смо-

трителя шахты до управляющего приисками, получала ежегодные 2-месячные отпуска, с подъемными деньгами, с дорожными и проч. и за счет ленцев—места на курорты вместе с семьями.

Таков был резкий контраст между беспросветной жизнью приискателя в кобыльем бараке и жизнью администрации в дворце управляющего прииском. На одном и том же прииске тот, кто создавал все ценности, имел право только на смерть, а тот, кто его угнетал и притеснял, имел право на жизнь, полную богатства, на такую роскошь, о какой рабочий и мечтать не мог. Такова была система капитализма.

Забастовка

Неслыханно тяжелые экономические условия, грубость и дикость администрации, полное бесправие закабаленной рабочей массы, годами подготовили почву для ленской забастовки. Поводом, вернее толчком, вызвавшим забастовку, был следующий факт:

На Андриевском прииске 27 февраля 1912 года кухонный староста и служащий вместо хорошего скотского мяса выдали рабочим конское мясо, в которое попал конский половой член.

Когда рабочие узнали, каким мясом кормят их ленцы, то у многих из них началась тошнота и рвота и часть заболевших рабочих не могла выйти на работу. На рудник был приглашен врач и полицейский урядник, составлен о происшедшем протокол и предъявлен правителю Андриевского прииска. Администрация не признала своей вины, а заявивших об этом рабочих в тот же день назначили к расчету.

На прииске всех рабочих было 650. Известие о расчете рабочих за протест против выдачи лошадиного мяса быстро облетели все казармы, и 28 февраля утром весь прииск не вышел на работу. Администрация решила всех рабочих немедленно уволить, но это намерение выполнить не удалось. Забастовавшие рабочие послали делегации на ближайшие прииски. Слух о забастовке и причинах ее облетел всю ближнюю тайгу. 1-го марта забастовали рабочие Утесистого прииска, отстоящего от Федосиевского прииска на 42 километра (там работало 860 человек). В тот же день забастовали прииски: 44-й, Успенский, Старо-Варваринский, Ново-Васильевский, Пророк-Ильинский, Липаевский — ниж-

ний с общим количеством 2.300 рабочих. И, наконец, 2-го марта забастовали главнейшие прииски: Надеждинский Александровский и Федосиевский, где работало 3.150 рабочих, богатейший прииск, который один давал столько золота, сколько вся остальная ленская тайга вместе взятая *).

Надо сказать, что прием рабочих и служащих на этот прииск был обставлен чрезвычайными мерами: расчитанных за какие-либо проступки на других приисках Федосиевский прииск совершенно не принимал на работу. Рудник по своему составу считался самым благонадежным, самым дисциплинированным. Федосиевский прииск решал судьбы забастовки.

К 6-му и 7-му марта удалось передать известие о забастовке рабочим дальней тайги, работавшим на приисках Тихоно-Задонском, Ивановском, Верном, Кулебрянике и на богатом Светлом прииске. Забастовали также небольшие прииски, расположенные по Бамбухте, Калакте, Патиме, Мате и Жуе. Забастовка широчайшей волной прокатилась по всем приискам ленской тайги, всколыхнула рабочие массы и поставила вопрос об организации рабочих масс.

Когда 2-го марта на Федосиевский рудник пришло известие о том, что прииски ближней тайги и нижнего управления также забастовали, рабочие и служащие Федосиевского прииска сначала не верили этому. Помню как сейчас, работали мы с артелью в забое на 51 шахте, Федосиевского прииска. Видим, подходит смотритель шахты Иван Филиппович (фамилии не помню, рабочие звали его „мукосеем“ за то, что он небрежно одевался, ходил всегда в каком то длинном халате, подпоясанном веревочкой) и говорит нам: „выходите из шахты и забирайте с собой инструменты, 45, 46 и все другие шахты давно бросили работу“, Мы спрашиваем:

— Что за причина?

И услышали ответ:

— Забастовка.

Немедленно тут же был собран весь инструмент, имевшийся на трех человек (6 кайл, три лопатки, балда, бур-

*) Так, в 1911 году ленцы дали с Федосиевского прииска 93 центнера золота, а вся годовая добыча со всех площадей была равна 179 центнерам.

пила, топор), все это было связано и вытащено на поверхность. Нас встретили товарищи, бросившие работу раньше нас. Они объяснили, отчего произошла забастовка и пригласили на общее собрание. А от шахты до барака нужно было итти два километра. Навстречу попадались переодетые в чистую одежду рабочие, которые, идя на собрание, снимали поверхностных рабочих и раз'ясняли им происходящие события.

Общее собрание Федосиевского рудника состоялось перед вечером, часов в 6. Собрались все рабочие Федосиевского рудника (3.000 с лишним человек), прибыли выборные делегаты с приисков, уже забастовавших. Собрание прошло с большим подъемом. Выступало много товарищей, но наиболее активно — Баташев и Черепахин. Выступавшие говорили, что ленцы нарушили договор с рабочими не только с тем, что выдавали конское мясо вместо полагавшегося по условию коровьего мяса, а еще и тем, что платили вместо денег талонами.

В выступлениях вскрывалась вся картина неслыханной эксплоатации и зажима. Обмеры и обсчеты рабочих в шахте сделались системой, нет того рабочего, которого не обмерили бы и не обсчитали. Жен рабочих и их дочерей в порядке нарядов посылают к служащим и смотрителям в прислуги, не спрашивая их согласия. Понравившихся девушек и женщин забирают и увозят в собрание служащих, где происходят кутежи начальства, там их держат по двое трое суток; вернувшиеся оттуда женщины рассказывали своим мужьям-рабочим об отвратительных картинах оргий и насилия над отдельными работницами.

В речах выступавших проводилась одна мысль— требовать пересмотра договора рабочих с Ленским золотопромышленным товариществом и в новом договоре предусмотреть: повышение заработной платы на 50%, уплата денег наличными, а не купонами и переводами, уравнение в получении продуктов рабочих со служащими, отмену черной штрафной книги, увольнение рабочих только по окончании договора или, в крайнем случае 10-го сентября, отмену обязательных нарядов женщин и детей, постройку отдельных бараков для

Совет старост ленской забастовки

Совет старост ленской забастовки

семейных рабочих, гуманное отношение служащих к рабочим и введение 8-ми часового рабочего дня.

Вот те основные требования в новом наказе, который был словесно оформлен на первом собрании Федосиевских рабочих. Служащие на собрании не были и все время забастовки держались в стороне. Своим поведением они доказали, что они не с рабочими, а против них. На собрании был избран комитет Федосиевского прииска, в котором выдающуюся роль играл Гриша, он же Григорий Васильевич Черепахин. Выбрали в этот комитет Баташева председателем и Гришу — заместителем, членами комитета - Шишкина, Петухова, Думпе и друг.

В первой десятидневке марта забастовка стала всеобщей. 3-го марта на Надеждинском центральном прииске состоялось общее собрание рабочих десяти приисков, а именно: Утесистого, Андреевского, Пророк-Ильинского, Успенского, Ново-Васильевского, 44-го, Нижне-Александровского, Федосиевского и Надеждинского. Были выработаны требования, утвержденные рабочими на другой день и сформулированы в следующем наказе.

Наши требования

I. Во все время забастовки продовольствие по кухне должно выдаваться по обыкновению.

2. Продовольствие по кухне должно выдаваться на равных условиях со служащими. Все продукты на кухне должны выдаваться в присутствии уполномоченных, которые назначаются рабочими того района, в котором предстоит выписка. Мясо должно делиться на два сорта.

Квас должен быть в летнее время за счет Ленского товарищества.

Хлеб ржаной должен быть сеяный.

Картофель должен быть обязательно, капуста должна быть тоже обязательно, в виду того что она предохраняет от цынги.

3. Расширение квартир с достаточным количеством воздуха, с бесплатным освещением. Холостым — одна комната на двоих и семейным одна комната. Отдельное помещение при казарме, прачешная и сушилка.

4. а) Рабочие, нанявшиеся по профессии, не должны посылаться в ту область труда, где не требуется их профессиональное знание, а также и горнорабочие должны установить очередную сменяемость работ.

б) Ни один рабочий не должен увольняться в зимнее время. Увольнения должны быть летом и притом должен быть выдан бесплатный проезд с семьей до Жигалова.

в) Если же администрация увольняет рабочего, то должна расчитать по закону.

5. а) 8-ми часовой рабочий день. Предпраздничные дни по 7 часов; воскресенье и двунадесятые праздники

работать необязательно, а считать эти дни льготными. Если же в эти дни производится работа, то должно работать с 6 часов утра до 1 часа дня и писать их за полтора дня.

б) Неурочное время должно оплачиваться: за первые два часа — три часа, а за последующие часы — за каждый час два часа.

6. Всем без исключения рабочим и мастеровым добавить жалованье на 30%.

7. а) Каждый день должен вывешиваться табель с отметкой проработанного дня, а также и по окончании месяца в табели должен быть подсчет за целый месяц.

б) Горнорабочим должны ежедневно выдаваться ярлыки за выработку.

8. Уплата заработка должна производиться ежемесячно и полностью в конторе мастерской и на стану, причем получатель должен расписаться в табели в сумме, каковую он получил.

9. Выписка по амбару для мастеровых должна производиться тремя днями раньше горнорабочих.

10. Отмена штрафов.

11. Выделить полнейшую автономию вахтовых, которые должны подчиняться только механической администрации, чтобы служащие горнорабочих не вмешивались в дела электропаровых машин. Трехсменная вахта по 8 часов в сутки.

12. Всем рабочим и мастеровым не должна сбавляться поденная плата. Рабочим, командированным на дальнее расстояние, должен платиться полуторный оклад.

13. По первому требованию больного должна явиться медицинская помощь. Болезнь рабочего по вине Ленского товарищества оплачивается поденною платою, а болезнь вообще — полуднем до дня выздоровления. Обязательная выдача удостоверений больным.

14. Чтобы администрация не увольняла по личным капризам, а делала это с ведома рабочей комиссии.

15. Непринудительность женского труда.

16. Вежливое обращение администрации: рабочих не называть на „ты“ а на „вы“.

17. Устранение административных лиц (идет перечень).

За время забастовки никто не должен страдать.

О гарантии выборных.

1. Чтобы Управление Ленского золотопромышленного товарищества снеслось с местной полицией о гарантии свободы делегатам.

2. Чтобы на время забастовки выборным был предоставлен народный дом.

2. Чтобы административной властью не назначались на работы отдельные лица, предварительно не испросив разрешения делегатов.

Мы хотим, чтобы забастовка носила миролюбивый характер, а поэтому заявляем: если будут применять карательные меры к нашим уполномоченным, тогда мы снимаем всех рабочих с работы.

Нарастание событий

Эти требования, по существу строго экономические были восприняты Ленским золотопромышленным товариществом и правительством, как политические. 8-ми часовый рабочий день, увольнение с санкции рабочей комиссии — в этом видели результат „преступной“ агитации, тем более, что среди руководителей стачки оказалось несколько ссыльных и что на собрание 3-го марта полиция не была допущена. Место, где происходило собрание, было оцеплено плотным кольцом организованных рабочих под командой старост и членов стачечного комитета. В это железное кольцо рабочих никого чужого не пускали.

На второй день — 4 марта назначено было опять общее собрание, на котором решили выбрать институт старост — из каждой казармы по человеку. Собрание намечало кандидатов, голосование кандидатур происходило в казармах. Тогда же стало известно, что половина администрации бежала с приисков. Отказались охранять прииски полицейские, состоявшие на службе Ленского товарищества. Тогда собрание рабочих решило организовать немедленно самоохрану. Тут же были выбраны старшие и распределены наряды, причем главным образом дежурили на электрических станциях, на водоотливах, в конторе, где хранились денежные суммы, на складах, где хранились годовые запасы хлеба и другие продукты питания, охраняли кооператив, а казенную винную лавку потребовали немедленно вывезти с приисков в район г. Бодайбо, что и было сделано в 3-х дневный срок.

Шахтеры-приискатели сразу поняли, что борьба развернулась не на шутку. Тяжесть приискового гнета, желание во что бы то ни стало добиться успеха необычайно подняли

самосознание масс, и движение с первых же шагов приняло организованные формы. Избранные в начале забастовки, по предложению начальства, выборные образовали приисковые комитеты, объединенные центральным стачечным комитетом. В состав центрального стачечного комитета входила влиятельнейшая масса товарищей: Баташев, Черепахин Григорий, Думпе, Зеленко, Лебедев, Подзахотников и другие. По казармам для поддержания порядка, как я уже выше сказал, были избраны старосты и их заместители, снабженные большими полномочиями. Приисковый совет старост находился под руководством приискового рабочего комитета.

Крепкая спайка, полный порядок, сознательное подчинение руководящей организации, — все это является отличительной чертой ленской стачки 1912 года. Водка была изгнана из употребления на приисках, по единодушному требованию самих рабочих. По признанию знаменитой комиссии сенатора Манухина, ревизовавшего прииски после расстрела, „за 4 месяца забастовки в среде рабочего населения, доходившего до 7 тысяч лиц, а с семьями до 19 тысяч человек, не произошло ни одного повреждения промыслового оборудования, не было похищено или попорчено ни одного даже малоценного имущества и не наблюдалось ни одного случая нападения или насилия". Или выражаясь словами самих приискателей, „за время забастовки от 29 февраля и до последнего дня выезда последнего рабочего из тайги, т. е. 13 сентября 1912 года, ни одного стекла не было выдавлено рабочими и ни один служащий не был оскорблен".

С самого начала забастовки рабочие были убеждены, что ленцы обязаны улучшить экономическое и правовое положение рабочих. Но не так вышло в действительности, Главное правление Ленского золотопромышленного товарищества в Петербурге решило стать на путь игнорирования забастовки, не пошло ни на какие уступки, кроме одной ничтожной подачки в виде 20% надбавки жалованья и то с оговоркой—уплачивать со следующего договорного года.

Ленское золотопромышленное товарищество немедленно

начало применять карательные меры против забастовщиков. Оно прекрасно знало по рабочим книжкам, которые всегда хранились в конторе правления, у кого есть деньги, а у кого их нет. И вот, управляющий Теппан и федосиевский управляющий Самохвалов отобрали 40 человек самых неимущих и многосемейных рабочих из колонии Догалды Федосиевского прииска, лишили их пайка на хозяйской кухне и начали выселять из квартиры, для чего предварительно добились постановления суда о выселении, кстати сказать мировой судья Хитун получал жалованье от Ленского товарищества. Этот Хитун по указу „его императорского величества" присудил к выселению из квартиры всех 40 рабочих и вывозу их в городишко Бодайбо за 70 верст, а горный исправник Галкин, подкрепленный Бодайбинской гарнизонной командой в составе роты солдат, 19 марта решил силой выбросить с прииска указанных рабочих. Для сбора вещей выселяемых исправник дал 15 минут — это для людей, у которых были жены и по 3—4 детей; под сильным конвоем погнали всех выселяемых с приисков.

Здесь организованность федосиевских рабочих, благодаря сильному институту старост, сыграла колоссальную роль. Через 30 минут весь Федосиевский прииск был на ногах и все забастовщики в количестве 3.000 человек лавиной двинулись к горному исправнику и солдатам выручать арестованных, послав в то же время телеграммы в Москву и Петербург в консультационное бюро присяжных поверенных, в Иркутск—губернатору Бантышу, а также в Государственную Думу. Выражая в телеграммах протест против выселения отдельных рабочих и отказа им в продовольствии, рабочие указывали, что если выселять за забастовку, то нужно всех выселять и всех вывозить из тайги, что отказ в продовольствии равносилен голодной смерти, так как все запасы продовольствия находятся в распоряжении Ленского золотопромышленного товарищества.

На Федосиевском прииске разыгралась такая сцена. Офицер приказал солдатам построиться в карре, но так как глубокий снег не позволил этого сделать, то среди

солдат вышло замешательство, а в это время рабочие (а их было 3.000 чел.), перемешавшись с арестованными и солдатами, предложили исправнику гнать всех на Бодайбо. Офицер взбесился и срывающимся голосом закричал: „разойтись", угрожая стрелять. Но было ясно для нас, что солдаты стрелять не будут, так как они даже не могли построиться и привести себя в порядок.

Таким образом, первые провокационные действия Ленского золотопромышленного товарищества и представителей царской власти были парализованы организованными действиями федосиевских рабочих.

Часть выборных подошла к исправнику Галкину, руководителю всего этого безобразия, с требованием освободить арестованных, предупреждая, что иначе вся масса забастовщиков пойдет сопровождать арестованных в Бодайбо и что стачечный комитет не может поручиться за последствия этого похода. Исправник и офицер, видя провал своей затеи, после некоторых препирательств и угроз, освободили арестованных и с позором удалились с Федосиевского прииска. Этим и закончилось первое наступление на рабочих. На несколько дней наступило затишье.

Но вот в конце марта приехал из Петербурга окружной инженер Тульчинский и с ним вместе знаменитый жандармский ротмистр Трещенков с несколькими жандармами. Атмосфера сразу изменилась: рабочие возлагали некоторые надежды на инженера Тульчинского, считая его защитником прав рабочих, но Трещенков повел сразу дело на срыв забастовки, подготовляя арест стачечного комитета и расстрел рабочих (этого он не скрывал и говорил во всеуслышание).

По приезде своем Тульчинский немедленно созвал совещание выборных, давая обещание добиться удовлетворения требований рабочих, уладить взаимоотношения между трудом и капиталом. Он старался войти в доверие рабочих, указывая, что он все время протестовал против жестокой эксплоатации рабочих акционерами. Но все эти разговоры не приводили ни к чему. Тульчинский обещал, а приисковая администрация во главе с Теппаном и другими приняла вызывающую по-

зицию по отношению к рабочим, рассчитывая на жандармов и ротмистра Трещенкова. По распоряжению последнего, ленцы организовали транспорт в 36 троек и послали в город Киренск за 700 верст, откуда и привезли на санях роту солдат киренского гарнизона. Эта рота и явилась тем дьявольским орудием в руках ленцев и Трещенкова, проливших рабочую кровь 4-го апреля 1912 года.

В течение семи дней ротмистр Трещенков через свою жандармскую организацию открыл многих руководителей ленской забастовки и решил с благословения, как потом выяснилось, самого министра Макарова и близко стоящих высокопоставленных к министерству внутренних дел лиц, изъять стачечный комитет ленской забастовки. Перед арестом комитета приисковая полиция и жандармы каждую ночь ходили по рабочим казармам, делали обыски у отдельных членов стачечного комитета и у казарменных старост, искали нелегальную литературу, списки и т. д.

Все это возмущало рабочих и приводило к обратным результатам. Рабочие решили, несмотря ни на какие репрессии, несмотря на поведение ротмистра Трещенкова и местной приисковой полиции, продолжать забастовку или до удовлетворения своих требований или до вызова из центра, как тогда выражались, авторитетной комиссии.

Попрежнему происходили рабочие собрания, на которых обсуждались действия полиции приисков. На Александровском прииске собрание было разогнано и по всем приискам было введено военное положение; всю власть взял Трещенков.

Рабочие, видя бешеный поход против выборных, решили заявить военным властям и администрации в письменном виде, что выборные не виноваты, забастовка проводится сознательно всеми рабочими; каждый забастовщик написал от себя заявление (грамотные писали сами, а неграмотные просили грамотных) и у каждого рабочего была заготовлена бумажка такого содержания:

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я бастую непринужденно, совершенно сознательно, по своей доброй воле, имея в виду только одно, что договор нарушили ленцы, а поэтому я свободен отказаться от всякой работы до заключения нового договора, который не заключается не по моей вине.

Подпись (такой то)

3 апреля 1912 года.

Что договор нарушили ленцы, в этом никто не сомневался. Не сомневались и заправилы Ленского золотопромышленного товарищества. Доказательств этому было достаточно. Во первых, вместо денег рабочие все время получали талоны в магазин того же Ленского товарищества. Во-вторых, штрафы были произвольны, никаким договором не были оговорены. В-третьих, „черные книги“ ни в каких договорах, конечно, не упоминались мордобой и издевательства над рабочими семьями тоже; точно также по договору ленцы обязаны были доставлять доброкачественные продукты и мясо, между тем они кормили рабочих кониной, да еще с явными специфическими признаками, что это конина, а не мясо. И несмотря на то, что все пункты договора нарушены были Ленским товариществом, все же администрация и жандармский ротмистр решили силой сломить рабочих и потопить в крови знаменитую ленскую забастовку.

Утро 4-го апреля

В исторический день 4 апреля на летучих собраниях, в казармах, решено было собраться утром на каждом прииске около своей конторы и передать администрации заявление о том, что они бастуют по доброй воле, что никакие агитаторы тут ни при чем. В то же время стачечники требовали дать им расчет для приобретения продовольствия, ибо кухни по распоряжению Трещенкова были уже закрыты, а запасов даже на один день ни у кого не было. Большинство рабочих и их семей, а также и все дети рабочих голодали уже 3 дня.

Вот с такими намерениями и с заявлениями в кармане рабочие всех приисков, все до единого, в 7 часов утра 4-го апреля собрались у своих контор, несмотря на то, что накануне была арестована большая часть стачечного комитета и даже несколько человек старост. Пока рабочие стояли у конторы и требовали расчета. Собралось несколько десятков ребятишек, пришли жены рабочих с грудными ребятами. И вот перед собравшимися рабочими Федосиевского прииска у конторы вырастает звероподобная фигура ротмистра Трещенкова. Вокруг него два адъютанта и вестовые. Осмотревши местность и подойдя почти вплотную к рабочим, он заявил:

— Здесь кругом бараки, бабы и ребятишки, совсем нельзя стрелять; стреляя по рабочим, перебьешь этих сопляков.

Трещенков уехал обратно в санях, запряженных тройкой кровных рысаков, услужливо предоставленных ему Ленским золотопромышленным товариществом. А напротив конторы, не больше как в трехстах метрах по линии узкоко-

лейной железной дороги была развернута цепь солдат, готовых стрелять по конторе и по рабочим, и рядом с ними—готовый поезд для передвижения по железной дороге. Итак, еще утром 4-го апреля было все приготовлено к расстрелу рабочих и решено было начать расстрел с федосиевских рабочих, как более упорных, выдержанных и более многочисленных. Администрация очевидно, думала: стоит разгромить федосиевцев, и остальные выйдут на работу. Тактика была верная, но выполнить ее не удалось. Развернутая цепь солдат через час погрузилась в вагоны и уехала на Надеждинский прииск... Администрация решила действовать комбинированным путем: арестовать стачечный комитет, применить воинскую силу и оружие и организовать штрейкбрехеров на самой богатой шахте № 46 Федосиевского прииска. Управляющий Федосиевского прииска Самохвалов набрал из якутских избушек спиртоносов и копачей и добавил к ним местных жителей—якутов, не работавших на горных работах.

После отъезда солдат рабочие пошли в бараки и увидели, что мертвые до вчерашнего числа шахты как будто бы ожили. Возле одной из них, самой богатой, № 46 двигается народ, работает подъемник и добываются пески. Когда рабочие подошли к этой шахте, то оказалось, что 2-го и 3-го апреля старшие служащие лазили в шахту и и подготовили ее к пуску, а 4-го спустили якутов, спиртоносов и копачей, которые, в виду забастовки и строжайшей дисциплины среди рабочих, не могли заниматься ни копачеством, ни торговлей спиртом. Их то и сорганизовали ленские заправилы, прибавив к ним еще 30—40 человек служащих, переодетых в рабочие костюмы, и всех двинули в знаменитую 46 шахту.

Пуская в ход богатую шахту, администрация надеялась повлиять на рабочих. Их расчет был таков: сообразнившись самородками и богатым подъемным золотом, часть приискателей изменит забастовке и пойдет в шахты. Но эта попытка неудалась. Двухтысячная лавина рабочих так подействовала на вольных и не вольных штрейкбрехеров, что все они, вплоть до смотрителя шахты, немедленно по-

кинули шахту, пообещав до конца забастовки не приступить к работе.

Поставив, из 15 забастовщиков, хороший пикет у шахты, федосиевцы успокоились. Но недолго продолжалось спокойствие федосиевских рабочих. В половине четвертого пополудни раздались винтовочные залпы. Все население Федосиевского прииска выскочило и с бараков и казарм, на ходу одевая полушубки и шапки.

Выстрелы раздавались близко. Рабочие сразу решили, что это на Надеждинском прииске солдаты стреляют по рабочим, пришедшим с нижних приисков за расчетом в главную контору, и бросились бежать на Надеждинский прииск. Федосиевские выборные, уцелевшие от ареста, во главе с председателем стачечного комитета Григорием Черепахиным, предупреждали нас, что не надо ходить в главную контору, что мы все там можем поплатиться жизнью, но дух солидарности, товарищества и вера в правоту своего дела были настолько сильны, что все до единого бежали на помощь своим товарищам.

Расстрел рабочих

Со скорбным помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
О, братья, проклят будет тот,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит

Д. Бедный.

Уцелевши от ареста выборные нижних приисков долго удерживали рабочих, уговаривая их, что не следует итти к главному управлению, что там Трещенков только того и дожидается, чтобы расстрелять рабочих. Но рабочие, выведенные из терпения голоданием и арестами выборных, двинулись к Надеждинскому прииску.

Первыми двинулись рабочие Утесистого прииска в 9-10 часов утра. По пути присоединились рабочие Андреевского, Успенского, Варваринского, Васильевского, Пророк-Ильинского, Громовского и Александровского приисков. Рабочие прошли 35 километров. И к Надеждинскому прииску подошла уже толпа рабочих в 3.000 человек.

День был морозный с сильным ветром. Мороз доходил до 33°. По дороге к Недеждинскому прииску по обеим сторонам были расположены штабеля крепежного леса разных сортов, преимущественно $3^1/_2$—$4^1/_2$ и 6 аршин длины. Между этими штабелями толпа должна была сузиться и растянуться на большое расстояние. От штабелей дорога круто сворачивала влево, прямо к главной конторе. У поворота протекала речка Аканак. В 150 метрах от речки находился Народный Дом. Здесь была расположена рота солдат Киренского гарнизона, более 60 человек стражников, несколько человек из администрации. Здесь же оказался

инженер Тульчинский. Последний, назвав Трещенкова по имени и отчеству, крикнул ему:

— Не стреляйте, я уговорю рабочих, и они вернутся домой.

И пошел к толпе. Рабочие окружили Тульчинского, задние ряды напирали, не зная, что делается впереди, продвигались и выталкивали следующих, из промежутков штабелей. Вдруг в этот момент раздалась команда:

— Пачками пли!

И один за другим даны были без предупреждения 15 залпов: стреляли солдаты и приисковые стражники. Никто из рабочих, да видимо и Тульчинский, не ожидали такого предательского нападения. Как косой, скосило передние ряды, и только благодаря штабелям леса и изгибам дороги, а также предупредительным крикам со стороны сведущих товарищей, бывавших в уличных боях во время революции 1905 года, большая часть рабочих спаслась за штабелями леса.

Залпами было убито 320 человек и 175 человек ранено. В эту же свалку попал и Тульчинский, но защищенный рабочими, остался жив. Главная масса убитых была против моста ручья. Последние десять залпов были направлены по лежачим. Колонна солдат была построена так, что передние стреляли с колена по лежачим, а задние — по рабочим движущимся между штабелями крепежного леса.

Неописуемый ужас и паника распространилась не только среди шедших рабочих, но и на всех приисках, где слышались залпы, а залпы слышны были на шести приисках. На многих приисках были случаи помешательства под влиянием кровавого кошмара.

Так разыгралась кровавая драма на Надеждинском прииске на берегу речки Аканак.

Мы оставили федосиевцев, когда они бросились на выстрелы со свого прииска. С Федосиевского прииска к Надеждинскому две дороги. Одна — большая дорога по руслу речки и по плотине электрической станции к Александровским казармам и вторая дорога — пешеходная. По этой второй дороге и бросились рабочие на помощь товарищам. Передние группы шли уже по склону левого берега речки

Бодайбо прямо к Народному Дому. В это время послышалась команда, и по федосиевцам были даны два ружейных залпа. Пули зашелестели по кустарнику и засвистели около ушей. Вечерний сумрак и заросшая кустарником гора, а главное, косогор, по которому было трудно стрелять и разглядывать движущиеся группы, спасли федосиевцев от значительных жертв. Среди них оказалось только три человека раненых. Федосиевцы приостановились и залпы затихли.

Вся громадная толпа федосиевцев сгруппировалась около Александровских казарм. Находившиеся в толпе члены стачечного комитета, т. е. Черепахин и Шишкин уговаривали рабочих не итти к месту расстрела. Большинство же рабочих требовало посылки делегации для оказания помощи раненым товарищам и принятия участия в уборке трупов. Вызвались итти три добровольца и им удалось проникнуть к Народному Дому, где стояла воинская часть. Все с нетерпением ожидали известий с той стороны.

Поздно вечером вернулись товарищи и сообщили следующее: они были арестованы патрулями и приведены к ротмистру Трещенкову, который им сказал, что с ранеными и убитыми они сами справятся, а если федосиевцы сделают хоть 10 шагов к Народному Дому, то будут расстреляны точно так же, как и рабочие, шедшие с нижних приисков.

После того, как посланные объявили обо всем этом всем собравшимся, решено было разойтись по домам.

В эту ночь не только на Федосиевском, но и на остальных приисках никто не спал. Тогда же узнали, что помощник управляющего приисками Теппан, командиры воинских частей и высшая администрация Ленских приисков обдумано и намерено устроили кровавую баню на Надеждинском прииске. Стало известно, что по всем больницам за три дня до 4-го апреля были даны секретные приказы заготовить перевязочные материалы и все необходимое для приемки большого количества раненых; для перевозки раненых также были мобилизованы лошади, находившиеся на конных дворах всех приисков.

Во время уборки раненых и убитых, отбирали у них серебряные часы, золотые перстни, кольца, деньги. Мародер-

Трупы ленских рабочих, расстрелянных 4 апреля 1912 г.

ствовали стражники, казаки и часть солдат, особенно киренской роты: с некоторых убитых стаскивали перстни прямо с мясом или просто отрубали пальцы. Через некоторое время после расстрела начальник Бодайбинского почтового отделания, в секретной форме, доносил по начальству, что некоторые нижние чины и полицейские пересылают домой денежные переводы от 300 до 500 рублей, чего раньше никогда не случалось.

В больницах разыгрывались тяжелые драмы: Федосиевская больница, Александровская и главная Липаевская были буквально завалены ранеными и умирающими. Во всех палатах ранеными и умирающими были заняты не только кровати, но и пол, и корридоры; медицинского персонала не хватало; добровольцы-женщины, жены рабочих и сами рабочие оказывали первую помощь и ходили за ранеными круглые сутки, не считаясь с отдыхом и сном.

Раненых перевозили на санях по пять и более человек, были случаи, когда раненый, положенный на сани первым, задыхался от наваленных на него тел.

К утру 5-го апреля по старому стилю убитых и умерших от ран было 303 человека. Все они были сложены около Липаевской больницы прямо на снегу, на разостланном сене. Родственникам разрешалось подходить к убитым только для опознания.

К вечеру второго дня рабочие отправили ряд делегаций требовать от Трещенкова выдачи убитых для общественных похорон. Трещенков категорически отказал, заявив:

— Прикажу выкопать общую яму в Дголдыне и всех завалю камнями, — вот это и будут общественные похороны.

Началась опять длинная переписка: полетели телеграммы в Иркутск, Петербург и в результате долгих переговоров и настояний было разрешено похоронить убитых на одном из нижних приисков, на Громовском, где стояла полуразрушенная часовня. На этой возвышенности рабочие выкопали 15 братских могил, в которых и похоронили более трехсот рабочих. Знаменитый Трещенков и тут остался верен себе: разрешение провожать убитых было дано только ближайшим родственникам.

Братские могилы расстрелянных рабочих

Трудно и больно писать о погибших товарищах-рабочих, ибо ни на одной войне не бывает более зверской расправы, чем это было во время ленских событий. Много физически могучих, богатырски сложенных рабочих погибло. Так, впереди толпы шел выборный староста Тихоно-Задонского прииска Петр Ухолов, более десяти пуль перерезали его пополам; как срезанный дуб, он свалился на окровавленный снег.

Вот второй рабочий — Иван Укладов, староста с Федосиевского прииска колонии Сахалина. Саженного роста, богатырского сложения, он был первым забойщиком на Федосиевском прииске. Будучи на целую голову выше толпы, он во время первых залпов смотрел вперед, и пуля попала ему в нижнюю челюсть и вылетела через череп. Укладов моментально умер, после него осталась жена и пятеро детей.

А вот третий — рабочий Земсков с Александровского прииска. Его так и звали „симбирским богатырем". В шахте на мокрых работах он один, играючи, носил подхваты лиственничного дерева (это дерево своей крепостью не уступает дубу) длиною в 6 метров и пол метра в диаметре. Он был ранен шестью пулями в грудную клетку, и двое суток боролся со смертью, но все же раны осилили и он умер.

Все эти картины не прошли даром для рабочих и их семей: многие заболели от нервного потрясения, но главная масса рабочих, как один человек, затаили в себе глубокий гневный протест против палачей — заправил Ленского золотопромышленного товарищества и организатора бойни — царского жандармского ротмистра Трещенкова.

Так закончилось 4-е апреля 1912 года. А 11-е апреля на запросы социал-демократической рабочей фракции в третьей Думе о расстреле ленских рабочих царский сатрап Макаров ответил исторической фразой:

— Так было, так будет!

В те же дни и в те же часы девять тысяч рабочих на Ленских приисках и сотни тысяч рабочих по всей России бесповоротно решили:

— Так было, но так больше не будет!

И это решение провели в жизнь в октябре 1917 года.

ЗАБАСТОВКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Лишь только отзвучали выстрелы 4-го апреля и похоронили павших борцов, рабочие, не сговариваясь, по молчаливому единодушному соглашению, как знак протеста, заявили все вместе, с семьями, о своем решении выехать с приисков Ленского золотопромышленного товарищества.

Твердое решение рабочих оставить прииски и организованно выехать натолкнулось на колоссальные препятствия со стороны ротмистра Трещенкова, жандармов, стражников и всего Управления Ленского товарищества. Были такие сцены на Андреевском прииске: в рабочей казарме забойщик Нестеренко на заданный ему жандармом вопрос, пойдет ли он на работу, ответил:

— Пойду тогда, когда ты, мерзавец, воскресишь тех, которых убил.

Этот крик рабочего был только отзвуком той могучей волны протеста, которая захватила все девять тысяч приискателей ближней и дальней тайги. То, что вырвалось в крике у забойщика Нестеренко, переживали все, как один, и не только рабочие, но жены и дети.

Каждый день Трещенков с жандарами посещал поочередно тот или другой прииск, стараясь навести панику на рабочее население, которое залегло в казармах и никуда не выходило, кроме как за получением продуктов на кухню и провизионную лавку.

Угрозы арестами, ссылкой на каторжные работы не помогли: рабочие твердо решили с первыми же пароходами выехать из тайги всем вместе, оставив навсегда мрачную долину реки Бодайбо, где золото Ленского товарищества было обильно полито кровью товарищей.

Администрация приисков с своей стороны делала все

Члены стачечного комитета. Председатель т. Черепахин сидит справа в первом ряду

возможное, чтобы вынудить рабочих пойти на работу: инсценировались судебные выселения из квартир рабочих, закрывались кухни и провизионные лавки для отдельных рабочих, у которых ни на сберегательных книжках, ни за конторой не было ни копейки денег.

Применяли и другие маневры: рабочим, имевшим за конторой заработанные до двухсот и больше рублей (ибо много забойщиков на Федосиевском и других приисках работали безвыездно от четырех до семи лет и имели собственные сбережения, лежавшие в конторе), администрация также не выдавала ни копейки на руки, ссылаясь на то, что наличных денег нет в конторе, а из Петербурга не высылают в виду затянувшейся забастовки.

Деньги же были нужны для поддержки неимущих товарищей. Хотя с великим трудом, но все же удавалось от частных торговцев в городе Бодайбо достать некоторое количество съестных припасов и тем поддерживать голодных рабочих и их семьи, которым контора по целым неделям не выдавала даже хлеба. Благодаря самопожертвованию и крепкой солидарности между рабочими, администрации и после 4-го апреля не удалось сорвать забастовки.

На место арестованного стачечного комитета был немедленно избран новый стачечный комитет, который руководил рабочими после 4-го апреля. Во главе этого комитета стоял рабочий Петухов. Задача нового комитета заключалась в следующем: помогать арестованным, организовать помощь женам и детям убитых товарищей, держать связь с политическими ссыльными, жившими в городе Бодайбо, которые все время информировали о событиях думскую фракцию социал-демократов. Благодаря последней, была организована так называемая „юридическая помощь", куда входило 12 адвокатов, 6 от Москвы и 6 от Петербурга. В Петербургской шестерке находился Керенский, о котором речь будет ниже.

С первым пароходом начался приезд в тайгу лиц, посланных центром для расследования. Первым приехал иркутский губернатор Бантыш и с ним чиновник особых поручений Майша (последний приехал на прииск еще санным путем,

не дожидаясь парохода). Майша старался точно выяснить причины забастовки и особенно — причины расстрела рабочих (как будто высшей власти края неясны были эти причины, ведь не прошло и года со времени обследования приисков губернатором Бантышем, который сам отмечал невозможные экономические условия и тяжелое правовое положениерабочих).

Приехавший Бантыш несколько осадил жандарма Трещенкова. В частности, целому ряду рабочих приказано было выдавать продовольствие.

Вслед за Бантышем приехал генерал-губернатор Князев, а с ним вместе главный управляющий Ленского золотопромышленного товарищества Белозеров, которые и повели решительную линию на срыв забастовки: под видом разъяснений, собирали собрания рабочих, убеждали стать на работу, принять условия ленцев, т. е. те же самые отвергнутые вначале забастовки двадцать процентов прибавки, да и то с нового операционного года. Белозеров (приискатели звали его „перцем“) говорил:

— Я целиком за то, чтобы вам дали прибавку, но забастовка принесла колоссальные убытки и товарищество не может пойти на еще большую жертву.

Белозеров убеждал старых рабочих, стараясь показать себя старым другом рабочих. Он льстил рабочим, говорил, что он тоже старый приискатель, работал на этих приисках нарядчиком и чуть ли не забойщиком, прослужил у товарищества 24 года, остался только один год до двадцатипятилетнего юбилея, а вот его старые „друзья“—приискатели сорвали теперь этот юбилей.

Один из действительно старых рабочих, проработавший на Федосиевском прииске 20 лет, по фамилии Парфенов, родом из села Усолье Иркутской губернии, выступил и ответил:

— Вы помните, Белозеров, когда приезжали на открытие ново-промывательной машины на Федосиевском прииске, высказали: „я люблю работать так: у моей лошади к десятому сентября от работы на промывке песков остается хвост да грива, а у приискателя — глаза и зубы. А за это тебя рабочие прозвали „перцем“.

Белозеров немедленно скрылся в толпе и больше на собраниях рабочих его не видели.

Генерал-губернатор Князев, натолкнувшись на неслыханное упорство рабочих, категорически не желавших стать на работу, рассвирепел и заявил:

— Жаль, что Трещенков не всех вас расстрелял вместе с женами и детьми.

Он издал приказ о немедленной эвакуации всех рабочих золотых приисков, но его приказ натолкнулся на препятствия со стороны сенатора Манухина.

В то время, в конце апреля и особенно в майские дни, по всей России прокатилась грозная волна забастовок, основными требованиями которых были — расследовать ленские события, осудить виновников и удовлетворить все требования ленских рабочих. Как известно, в третьей Государственной Думе по этому вопросу велись прения, начиная с 9 апреля 1912 года и до конца месяца. На все эти большие запросы и длинные думские разговоры правительство бывшего царя Николая не обратило никакого внимания, но бурные и многочисленные забастовки (в одном только Петербурге бастовало 235 предприятий) принудили царское правительство организовать комиссию сенатора Манухина для расследования событий. По распоряжению комиссии, в связи с протестом приехавших на прииски с первыми пароходами присяжных поверенных Москвы и Петербурга, приказ Князева был отменен.

Администрация начинала подготовку ко встрече правительственной комиссии: стараясь замазать все следы преступлений, ротмистра Трещенкова якобы по болезни, под большой охраной и под чужой фамилией (как частное лицо — Кашина) увезли из Бодайбо; ослабили несколько режим, открыли кухни и провизионные лавки.

Опять начались усиленные убеждения рабочих стать на работу—этим „почетным“ делом занялись приехавшие присяжные поверенные во главе с Керенским. Сплоченность и упорство федосиевских рабочих были известны по всей тайге, а поэтому Керенский и вся приезжая братия—Патушинский, Никитин и другие — начали работу уговаривания

на мелких приисках, но и там ничего не добились. На митингах после трехчасовых речей адвоката Керенского рабочие заявляли:

— Как решат на Федосиевском прииске, так и мы поступим. Решат работать, будем работать. Решат бастовать—будем бастовать.

После такого отпора со стороны мелких приисков, естественно, весь агитационный огонь Керенского и его друзей был сосредоточен на Федосиевском прииске: целую неделю каждый день уговаривали федосиевских рабочих выйти на работу и тем самым якобы помочь комиссии Манухина узнать всю правду, о тех нечеловеческих условиях, которых работали ленские рабочие.

Совет старост вместе со стачечным комитетом, обсудив настойчивые домогательства присяжных поверенных, а также и приехавшей комиссии сенатора Манухина, после опроса всех рабочих по казармам, дали согласие на выход рабочих на работу, однако поставили такие условия: немедленное привлечение к суду ленцев за нарушение договора, привлечение к суду виновников расстрела. Условия были выдвинуты ультимативно: если требование не будет выполнено в течение двух недель, рабочие бросят работу. Все рабочие, как один, стали на работу.

В течение двух недель ни один присяжный поверенный, которых было двенадцать, ни один член комиссии сенатора Манухина, которых было больше 40 человек, не спустился в шахту для обследования, в каких условиях приходится работать забойщикам и другим рабочим, каким инструментом работают и какую получают спецовку. Ничего этого не было сделано. Больше того—даже на поверхности не было произведено никакого обследования, казармы и бараки рабочих не посещались. Ограничились тем, что часть рабочих изредка вызывалась для расспросов на Надеждинский прииск, где были квартиры Манухина его комиссии. Такое положение в корне противоречило условиям, выдвинутым рабочими. Назревало второе выступление рабочих.

Для решения вопроса о дальнейшей тактике и для того,

чтобы придать большую организованность вторичному выступлению рабочих, 4 июня было созвано собрание. Настроение рабочих лучше всего показали результаты тайного голосования по вопросу, пойти ли на роботу или бастовать. Голосование проводилось таким образом: поставили две пустых бочки, на одной из которых было написано: „пойду на работу", а на другой: „не пойду на работу". Все три тысячи человек рабочих, выстроившись в одну шеренгу, со сжатыми кулаками, в одном из которых был зажат камень, прошли мимо бочек, опуская при прохождении оба кулака в бочки. Когда все рабочие прошли, то оказалось, что в бочке с надписью „не пойду на работу" было полно камней, а во второй бочке, было только тринадцать камней. Большевистская бочка победила. Здесь совершенно добровольно, с подчеркнутой решимостью более трех тысяч пролетариев Федосиевского прииска подписали непримиримую борьбу с капиталистами и царским правительством, и никакое красноречие Керенского, никакие пули и нагайки Трещенкова не могли спасти положение капиталистических заправил Ленского золотопромышленного товарищества. Федосиевцы своим решением и своей несгибающейся волей предрешили исход забастовки.

Такой же результат голосования был и на других приисках. Думпе по этому поводу разразился жалобой:

— Мы,—говорил он,—научили рабочих начинать стачку, но не умели научить ее закончить.

Два способа были применены для срыва стачки: прямое насилие администрации Ленского товарищества, попытки выселить рабочих и лишить их продовольствия и второй — уговаривание и либеральные посулы, применявшиеся Тульчинским. Оба способа провалились, натолкнувшись на стойкость масс, возглавленных большевистской частью стачечного комитета.

Рассвирепевшие Белозеров, Теппан, Самохвалов и другие администраторы Ленского золотопромышленного товарищества принялись ущемлять рабочих, на чем только можно было. Это подтверждает посланная Бантышем телеграмма министру Макарову, которую мы приводим целиком.

Телеграмма Иркутского губернатора Бантыша министру Внутренних Дел Макарову от третьего июля 1912 года [1]).

Сегодня отправляю из Бодайбо в Иркутск первый эшелон бывших рабочих Лензолото, уезжающих, ибо по их словам „душа не позволяет примириться с ленцами после всех перенесенных обид". Многие служили десятки и более лет. Должен констатировать действительно отвратительное отношение промыслового управления к насущнейшим нуждам рабочих: 1) семейные наняты, как холостые; несмотря на принудительность женского труда, паек выдается на одного. 2) Возврат удержанных за провиант с 12 марта по 4 апреля денег производится на чрезвычайно невыгодных для рабочих условиях. 3) Кожаная одежда, инструмент, лично принадлежащий рабочим, принимаются не по таксе и то с громадными придирками. 4) Женам раненых прекратили выдачу провианта. 5) Выборным отказывают в провианте, несмотря на личное обещание Гинцбурга сенатору Манухину, Белозерова—мне. 6) Больничных дней не засчитывают. 7) Обсчитывают рабочих, преднамеренно или нет, на каждом шагу. 8) Добиться исправления, якобы ошибок почти невозможно и так дальше без конца. После неимоверно длительной борьбы, бесконечных препирательств, и упорных с моей стороны настояний, включительно до угроз принятия исключительных мер, удалось, наконец, добиться сносных условий расчета. С большими усилиями преодолев эти затруднения, приходится наблюдать теперь со стороны промыслового управления и его служащих полное игнорирование прав рабочих, совершенно бессердечное к ним отношение, бесчисленные мелочные придирки, крайне плохо организованный, совершенно беспорядочный расчет вообще. Характер действия Лензолото видимо сводится к желанию во что бы то ни стало сорвать эвакуацию рабочих. Губернатор Бантыш.

*) Историко-революц. архив, Фонд сенатора Манухина, д. 51—20.

Рабочие бросают ленские прииски

Решение рабочих о выезде с Ленских приисков явилось протестом против варварской расправы капиталистов над безоружными рабочими. Возмущение приискателей пронеслось ураганом от города Бодайбо, вернее от Надеждинского прииска, по всей ближней тайге и до золотоносных речушек Жуи и Чаре, по всем ручьям и гольцам дальней тайги. Не было такого барака, не было ни одной землянки, где бы не обсуждался вопрос, как отомстить за смерть невинно погибших 500 пролетариев. В руках ленских рабочих было одно могучее средство, которое и подняло забастовку на политическую высоту, а бастовавших рабочих на невиданную еще ступень классовой выдержки и классового самосознания—это массовый выезд с семьями и детьми из далекой Ленской тайги. Дорога предстояла трудная: с приисков до Бодайбо нужно было ехать на лошадях, а часть по узкоколейной железной дороге, с Бодайбо до Витима нужно было спускаться на пароходах и крупных барках, с Киренска до Устькута по реке Лене на мелкосидящих пароходах, а с Устькута женщин и детей приходилось везти на лодках, а мужчинам итти пешком по берегу—380 верст до пристани Жигалово, с Жигалова до Иркутска пробираться на лошадях 500 верст. Наступали осенние холода и бездорожье, и в таких трудных условиях надо было пробыть в дороге более 20 дней. Но рабочих не испугал предстоящий трудный поход.

Этого не ожидали ни ленские заправилы, ни царское правительство. По правде говоря, мало кто и из руководителей стачки предвидел такой героизм.

Ленское товарищество при выезде рабочих и их семей

думало еще поживиться за счет рабочих, получив бесплатно их инструмент. Дело в том, что рабочим при поступлении на прииск к ленцам, контора, кроме кайла и лопаты, не давала никаких инструментов; для того, чтобы успешно работать, нужно было иметь свой собственный топор, поперечную пилу, стальной бур и 9-тичетвертовую стальную балду (для разбивания камней), железные клинья и целый ряд вспомогательных инструментов. Эти инструменты покупались рабочими за наличный расчет в мастерских Ленского товарищества. Кроме производственного инструмента, у каждого семейного, да и у холостых имелась разная посуда для домашнего обихода — столовых, чайных и других соцбытовых учреждений в то время не было, а холостые и семейные обслуживали себя сами и имели все кухонные принадлежности, вплоть до корыта для стирки белья. Поэтому у рабочих имелось множество инструментов и предметов хозяйства, которое везти с собою было невозможно. На одном только Федосиевском прииске у 3.000 рабочих имелось 1.500 буров, до 1.000 стальных молотов, такое же количество пил, топоров и т. д. Круглым счетом по самой низкой оценке имеющиеся инструменты оценивались в 40.000 рублей. Да на такую же сумму имелось всякой посуды в бараках.

Рабочие через делегатов предложили Ленскому Товариществу купить у них посуду и инструменты. Управление приисков категорически отказалось покупать что бы то ни было. Рассчет был простой: рабочие с собой все равно ничего не повезут, ибо везти не на чем, да и нельзя, так что все это рабочее имущество даром достанется Ленскому товариществу. Но оно ошиблось в своих рассчетах. Когда был получен от конторы отказ покупать инструменты, собрано было общее собрание рабочих и по единодушному решению собрания поступили так: все железные инструменты ночью были отнесены в старые, давно заброшенные и глубоко затопленные шахты и там похоронены на веки вечные, а все деревянные или сделанные из легкого металла переломали и зажгли тут же перед бараками. Жены рабочих первые участвовали в уничтожении кухонных при-

надлежностей: миски, чашки, тазы и т. д. были переломаны и уничтожены перед бараками и в дорогу было взято только самое необходимое.

Рабочие говорили:

— За погибших товарищей мы мстим капиталистам: первое—выедем из тайги, бросим прииски, объявим полный бойкот работе на Ленских приисках, облитых рабочей кровью.

Второе: пусть ничего не достанется ленцам!

Прежде чем выехать из тайги, рабочий совет старост потребовал отправки вдов и сирот, оставшихся после расстрелянных рабочих. Ленское товарищество не оказывало никакой помощи семьям погибших. Поэтому по всем приискам была открыта добровольная подписка для помощи отъезжающим женам и детям погибших товарищей. Рабочие Федосиевского прииска собрали 15.000 рублей, а по всем приискам собрано около 40.000 рублей.

Семей погибших было 90. Собранные деньги распределили в зависимости от количества детей: вдова лично на себя получила 100 рублей и на каждого ребенка по 100 рублей. Так рабочие оказали помощь семьям убитых товарищей из своих скудных средств. Когда уезжали семьи убитых, рабочие посылали делегата проводить семьи до Иркутска, а каждый прииск свою партию вдов и сирот провожал до города Бодайбо, где была погрузка на пароход.

Вслед за выездом семей убитых начала готовиться к отъезду первая партия федосиевских рабочих. Прежде чем уехать, федосиевцы послали ряд делегаций не только на ближние прииски, на которых крепкая спайка рабочих и память о погибших товарищах была не менее крепка, чем на Федосиевском прииске, но и на дальние прииски—Тихонозадонский, Ивановский, Кулебряник, Светлый и Мачинский. И на тех отдаленных приисках также единогласно постановили выехать всем до одного и провели это решение до конца.

Велика была злоба ленской администрации на федосиевских рабочих. Федосиевцы были отборные рабочие кадры. Это была гвардия Ленских приисков, и эта гвардия вела главную роль в забастовке: не выдала ни одного выборного, не дала выселить из квартир ни одного рабочего и в трудные мо-

менты забастовки снабжала добровольными пожертвованиями отдельные прииски и отдельных семейных рабочих, которым нечем было кормить детей. Эта гвардия не послушалась Керенского и бойкотировала манухинскую комиссию, первая заявив о полном выезде из Ленских приисков.

Когда федосиевцы выехали, администрация Ленского товарищества начала агитировать слабые прииски и убеждать, чтобы они остались на работе. Рассчеты администрации провалились. Федосиевцы не были одиноки, они только были в первой колонне, в первых рядах, все остальные прииски поддержали федосиевцев и один за другим приискатели выезжали партиями из далекой тайги.

В течение двух с лишним месяцев через каждые 5 дней происходил выезд рабочих с приисков: первая партия федосиевцев выехала 13 июля, а последней партией выезжала 15 сентября дальняя тайга, прииски Светлый и Кулибряник. Выехало 18 тысяч человек—12 партий, каждая по 1.500 человек. С каждой партией отправлялся выборный товарищ, ответственный за порядок в пути и для оказания помощи в дороге отдельным товарищам. Загружено было рабочими и семьями 72 баржи и 36 пароходов. Отправлялись таким порядком: от Бодайбо до пристани Витим пароходы брали по две баржи, от пристани Витим прицепляли к более легким пароходам и по одной барже везли до Устькута. В Устькуте при выгрузке из барж на лодки забастовщиков встретили 300 человек иркутских и забайкальских казаков, но сила царского казачества не потребовалась, все забастовщики в стройном порядке погрузились в лодки и при помощи крестьянских лошадей потащили эти лодки до пристани Жигалово. В Жигалове уезжающих встретили жандармы и полиция, которая сопровождала их до Иркутска. В Иркутске на переселенческом пункте партии перегруппировали для отправки по губерниям.

Приезжающих с приисков везде регистрировали, всюду задерживали, везде изолировали от посторонних, чтобы ленская зараза не передалась рабочим гор. Иркутска и других мест. Это отражалось на быстроте продвижения. Так, от Федосиевского прииска до Перми забастовщики

ехали 47 дней, т. е. большую половину июля и почти весь август.

Глубоко памятными останутся моменты посадки на поезда, а еще более—посадки на баржи и пароходы. Когда с Бодайбинской пристани отплывали первые пароходы и первые четыре баржи с федосиевскими забастовщиками, все находившиеся на баржах и пароходах, а также сотни товарищей провожавших и остающихся на пристани запели вечную память по погибшим товарищам. Далеко по реке Витиму разнеслись звуки печальной песни, и угрюмые утесы, склонившиеся над бурным Витимом, и мрачная тайга многотысячным эхом разнесли эту песнь по горам. Но она не умерла в горах, она уплыла вниз по Витиму вместе с забастовщиками, которые в этой песни дали клятву отомстить за товарищей-братьев, погибших от жандармской пули.

Великая армия ленских рабочих и их семей проделала колоссальную революционную работу, разнося всюду ненависть и проклятье царскому строю и капиталистам. И не даром забастовщиков всюду и везде встречали жандармы и штыки. Но как стройно протекала забастовка на ленских приисках, так же спокойно и организованно выезжали рабочие из тайги, не давая повода спровоцировать себя, ни в Усткуте, где были подготовлены казачьи сотни, ни в Иркутске, где казаки и конные стражники встречали крестьянские телеги, нагруженные рабочими, сопровождали их до переселенческого пункта, рассаживали по вагонам и отправляли этапным порядком по селам и деревням.

Большинству ленских рабочих незачем было ехать домой — это были чистые пролетарии, проработавшие на приисках от 5 до 7 лет, а некоторые и больше. Поэтому больше половины рабочих осело на Черемховских угольных копях на Анжеро-Судженских шахтах и других шахтах Кузнецкого бассейна. Их борьба и работа способствовали революционизированию отсталой рабочей массы шахт Восточной и Западной Сибири. На Черемховских копях с 1913 до 1917 года был целый ряд забастовок, которые усиливали организованность рабочих и подкрепляли авторитет подпольных большевистских организаций. На Судженских копях купца

Михельсона в 1916 году вспыхнула упорная забастовка, а на этих шахтах большинство рабочих были из местных крестьян, и нужна была колоссальная революционная школа ленской забастовки, чтобы сколотить достаточный актив для проведения забастовки. Этот актив проявил себя потом в Октябрьские дни.

Руководители забастовки

Рассказывая про великую борьбу рабочих Ленских приисков, нельзя обойти молчанием роль отдельных руководителей забастовки, которых выдвинула масса. На их долю выпало трудное дело: руководить приходилось без связи с партией социал-демократов большевиков; оторванность была полная, и в этом была колоссальная трудность руководства; сами руководители не сознавали, какую историческую роль сыграет забастовка, которой они руководили.

Переходя к характеристике отдельных руководителей, выдвинувшихся в ленской забастовке, начнем с т. Баташева Павла.

Баташев работал слесарем на центральной электрической станции Надеждинских приисков, по убеждениям был социал-демократ, сослан на Лену из центральной России. Грамотный, политически развитой, рабочий-массовик, он с первых же дней забастовки был душой и руководителем ее.

На всех крупных собраниях и митингах он был главным защитником наших требований. На митинге 3-го марта на Надеждинском прииске в Народном Доме, когда рабочие решали свою судьбу, объявляя Ленскому золотопромышленному товариществу свои требования, тов. Павел (так его звали все рабочие), предлагая прекратить работу до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех рабочих, сказал пророческую фразу:

— Товарищи, будем бастовать до зеленой травки!

Эту крылатую фразу подхватили рабочие и разнесли по всем приискам ленской тайги. И она сбылась в точности: бастовали не только до зеленой травки, но до самого сентября месяца.

Все время тов. Павел день и ночь горел на работе. Он был председателем стачечного комитета.

Мы, рядовые участники ленской стачки, буквально не знали, когда спит товарищ Павел. С утра — совещание членов стачечного комитета вместе с казарменными старостами, потом беготня по казармам: в какой-нибудь казарме стражники и полицейские пришли выселять того или другого забастовщика, или отдельной казарме не выдают провизии, местный уполномоченный стачечного комитета, староста не может справиться и убедить рабочих, что нужна выдержка, терпение и организованность,—и Баташев бросается туда. С 12-ти часов дня начинаются инфомационные собрания по казармам, чтобы поставить в известность всех рабочих, как проходит забастовка, какие тормозы и препятствия ставит Ленское товарищество. Вечером созывали митинг на каждом прииске отдельно и на главных приисках руководил митингами и выступал перед рабочими товарищ Павел. Глубокой ночью—секретное совещание бюро (пятерки) стачечного комитета.

И так с 1-го марта до 3-го апреля горел на общественной работе этот самоотверженный, по натуре общительный и добрый тов. Павел. У рабочих о нем осталось прекрасное воспоминание, как о самоотверженном товавищ, беззаветно преданном делу рабочего класса, жившем только интересами забастовки. Он так и запечатлелся: в сибирской ушатой шапке, в барнаульском черном полушубке, в больших катанках, усы, небольшая черная бородка и ясные, светлые глаза, как у новорожденного ребенка.

Вот он — высокий, рослый, немного сгорбившийся как бы под тяжестью великой задачи, возложенной на него рабочей массой, с добрыми, ясными глазами ребенка—стоит на бочке, поставленной прямо в снегу, долго говорит, объясняя трудности борьбы, своею речью вливая бодрость в четырехтысячную рабочую массу и готовность на дальнейшую непримиримую борьбу.

Жандарм Трещенков в ночь на 4-е апреля арестовал товарища Павла. На его место руководить рабочими массами выдвинули тов. Черепахина. Рабочие знали его под

именем Гриши. Тов. Черепахин работал с начала забастовки в стачечном комитете.

Гриша был другой человек: это был маленький, как бы вылитый из стали, слесарь знаменитых Батайских мастерских в Ростове н/Д, высланный царским правительством за участие в рабочем вооруженном восстании в 1907 году. Наш „политический Гриша", как звали его рабочие, не был рабочим наших приисков, но в первый же день забастовки он явился на Федосиевский прииск с Весеннего прииска Ратко-Рожнева, где он работал плотником. Он своей неутомимой работой завоевал симпатию рабочих.

Этот маленький товарищ Гриша успевал везде и сумел в середине марта сорганизовать даже женщин, которые, объединившись при его помощи, избрали делегаток. Гриша в те варварские времена да еще в ленской тайге сумел создать организацию работниц, которая подняла голос против тройной эксплоатации их труда. Гриша Черепахин поднял самосознание женщин, и они все единодушно отказались от обслуживания служащих и нарядчиков, а также поснимали прислуг у инженеров. Организованные в крепкий кулак, они написали о всех своих обидах и передали заявления приехавшим присяжным поверенным и комиссии сенатора Манухина.

Но это только одна маленькая часть работы Гриши. Он обратил серьезнейшее внимание на институт казарменных старост, он сделал этот институт опорным пунктом, а затем руководящей базой для широкой рабочей массы. Он говорил:

— Стачечный комитет могут уничтожить, арестовать, но старост всех не арестуют и не уничтожат; если уничтожат и арестуют старшего, — есть помощники; рабочие, привыкшие к информации и руководству старосты, обязательно выберут нового, если почему-либо окажутся без руководителя.

И он был прав. Институт старост настолько привился, что никакие силы Трещенкова и жандармов не могли разрушить этот крепко сколоченный институт. Казарменные старосты являлись тем цементом, который не могли разбить

жандармские козни. Все ухищрения полиции и жандармерии разбивались об организованность рабочих, а рабочими руководили казарменные старосты. Старосты жили жизнью рабочих, каждый день и каждый час безошибочно угадывали настроение массы, немедленно передавая о нем стачечному комитету. В сохранении, укомплектовании и воспитании института старост главная заслуга принадлежит товарищу Черепахину.

Гриша не знал подъема и падения настроения: мы всегда видели его бодрым, он всегда из всякого трудного положения умел найти выход, дать ответ, удовлетворить запрос одного ли рабочего, группы или целого митинга. За ним буквально охотились полицейские жандармы, но он, благодаря своему маленькому росту, быстроте движений, находчивости и смелости, ни разу не попался ни сыщикам, ни полицейским.

Один раз, когда он был в квартирах семейных, его окружили. Все думали, что он будет арестован, и сам Гриша так полагал. Не растерявшись, он спрашивает у хозяйки квартиры:

— Есть у вас кладовка?

— Есть,—отвечает та.

— Нет ли там какого-нибудь ларя для продуктов?

— Есть небольшой ларек для муки.

Он немедленно залезает туда, на него насыпают муки и оставляют ларь открытым. Целый час жандармы искали Гришу, но так и не догадались искать взрослого человека в ларе для муки. И на этот раз Гриша выскочил из-под носа жандармов Трещенкова.

Когда нужно было передать срочную информацию на дальние прииски — Тихоно-Задонский и Кулибряник (расстояние 160 километров) Гриша созывал старост и говорил:

— Нужно купить гуся.

Переведя на простой язык, это значило—достать лошадь с санями и сбруей, на что нужно было 500 рублей. Старосты немедленно секретно собирают у рабочих по 20 коп. с человека и этот маленький товарищеский сбор покрывает гуся с остатком. Связь быстро налажена, и мы имеем точную

Председатель стачечного комитета тов. Черепахин (первый справа)

информацию, как живут и что делают товарищи в дальней тайге.

Безусловно, наш маленький Гриша обладал прекрасными организаторскими способностями и оставил глубокую, не умирающую память среди всех забастовщиков ленских приисков. Находчивость, смелость и беззаветная преданность делу заслужили Грише любовь всех рабочих, готовых в любую минуту защищать грудью товарища Гришу. По решению стачечного комитета, перед концом стачки он уехал от нас, под чужой фамилией, на другую работу.

После его отъезда был видвинут новый товарищ — это уже третий и последний председатель стачечного комитета—тов. Петухов, он же Петраков. С этим товарищем мне пришлось встречаться в 1918 году в Томской губернской тюрьме после чехо-словацкого переворота, вернее, после чешского бунта. Я, будучи начальником Красной гвардии, был разбит и взят в плен на станции Юрга Томской железной дороги отрядами чехов и Гришина Алмазова, а товарищ Петраков был арестован карательными отрядами капитана Сурова в гор. Кузнецке, где он был председателем кузнецкого уездного совета рабочих и солдатских депутатов. Мы сидели вместе в Колчаковской тюрьме; мне удалось бежать, а его перевели в Забайкалье в Троицко-Савскую тюрьму и при переходе со станции Даурий в Юргу он вместе с прочими большевиками был зверски расстрелян в 1920 году бандами фон-Унгерна.

Этот товарищ Петухов, как сейчас, стоит живым перед глазами, богатырски сложенный, громаднейшего роста, с светлыми вьющимися волосами. Он был петербургский рабочий, а потом солдат Преображенского полка. За участие в первомайской демонстрации он был выслан в Сибирь в Приленский край. С кажущейся апатией начинал он, бывало, разъяснять собравшимся на митинг двум-трем тысячам приискателей о возникших тормозах грандиознейшей забастовки. Ему не нужно было лазить на бочку — он и так был выше всех на целую голову. Ему не нужно было напрягаться и до хрипоты кричать на трехтысячный круг рабочих,—его спокойные, но крепко сказанные слова были отчетливо

слышны за целую версту даже против ветра. Таков был товарищ Петухов.

Это был один из авторитетнейших товарищей, спокойный, вдумчивый руководитель рабочей массы. Он довел до конца забастовку и не уезжал с приисков до тех пор, пока не вывезены были последние партии рабочих. Благодаря его спокойствию и авторитету среди рабочих, эвакуация прошла в безукоризненном порядке. После выезда всех забастовщиков Петухов был арестован Бодайбинской полицией, затем был выпущен под надзор полиции.

Таким же сильным и спокойным остался он и в 1918 г. Во время нашего краткого пребывания в Томской губернской тюрьме, он часто на прогулках вспоминал ленскую забастовку и ту борьбу, которую вели рабочие, в том числе и он.

— Все считали меня руководителем, — говорил он, — но я был только активный участник, но не руководитель, я выполнял то, что требовали рабочие массы. Их требования, их желания были для меня законом.

Таков был товарищ Петухов скромный и беззаветно преданный рабочему делу.

Верные слуги капитала

Наиболее влиятельным среди верных псов Ленского товарищества были Теппан, Станукинас, Марков и подхалим Бармин, а всех их возглавлял главный управляющий Ленского золотопромышленного товарищества Белозеров.

Белозеров был не просто главным управляющим: он был организатором всей системы на Ленских приисках. Он начал с того, что разделил на три категории служащих, организовал касту нарядчиков, которым запрещено было под страхом немедленного расчета и изгнания с приисков здороваться с рабочими, разговаривать с ними и называть их на *вы*. Нарядчику дали неограниченные права штрафовать рабочих, изгонять из шахты. Наиболее „старательные" нарядчики, такие, которые не только ругали рабочих, но и били их, получали большее жалованья и лучшие бытовые удобства. Ставка нарядчика Ленских приисков повышалась главным образом в зависимости от степени ненависти к нему рабочих: чем сильнее была ненависть рабочих к нарядчику, тем он дороже расценивался Белозеровым. Более или менее честные нарядчики убегали в первый же месяц с работы, оставались только зверски настроенные к рабочим люди. Так как Белозеров стоял во главе этого дела 24 года, то он сумел подобрать корпус нарядчиков один к одному: это были янычары капитализма. Такой злобы, такого отвратительного отношения к рабочему, как на Лене, нигде не было. Разумеется, рабочие платили им той же монетой.

Средние служащие—штейгера шахт, смотрители отдельных шахт и их помощники обязаны были обмеривать и обсчитывать рабочих.

Смотритель 49-й шахты, у которого на сдельных работах рабочие больше рубля не зарабатывали, считал нормаль-

ным обмерить и обсчитать на 40-50% каждого забойщика. Рабочие знали, что на 49 шахте больше рубля не заработаешь, всю работу съедала знаменитая рулетка для замера смотрителя Плаксы и его помощника Тужилки. Когда эту шахту выработали, то главный инженер признался, что $^2/_5$ всей шахты рабочие выработали даром для Ленского товарищества.

Шахта № 49 не была единственная. На всех остальных шахтах практиковали то же самое, только в других вариантах, в зависимости от фантазии того или другого смотрителя. Смотрители шахт назначались только из старших служащих, прошедших многолетнюю школу Белозерова, на которых он мог положиться.

Вверху всей административной лестницы стоял сам Белозеров, получавший за свои труды от товарищества 120 тысяч рублей жалованья в год, кроме наградных, командировочных, годовых, дивидентов и т. д. и т. п. Он, разумеется, был не только главным управляющим, но и капиталистом. Влияние Белозерова на всю жизнь тайги и всех ее обитателей было настолько сильно, что его все звали „богом золотых приисков".

Когда Белозеров приезжал из Петербурга на прииски, то его приезд обставлялся особенно торжественно. Еще на пристани в Бодайбо устанавливались триумфальные арки. Устраивались трехдневные гулянки высших служащих и среднего персонала. Специально из Петербурга привозили вагоны продуктов, провизии, вина и всяких гастрономических тонкостей; приглашались все приисковые дамы и по наряду сгонялись красивые женщины и девушки из рабочих семей. Отказаться от этого наряда никто не имел права.

Ни одно такое белозеровское торжество не обходилось без насилия над женщиной или девушкой, которых сгоняли туда со всех приисков. Это был белозеровский закон— право рабовладельцев, феодальное право первой ночи. Горе протестовавшему: муж или отец попадал в черные списки и больше он нигде не мог найти работу на Ленских приисках.

На этих торжествах участвовали окружные инженеры, исправники, прокуроры, мировые судьи и представители царской власти на приисках, находившиеся на жалованьи у Ленского товарищества.

Вся система Белозерова была пропитана насилием, произволом; это было хуже крепостного права: там три дня в неделю работали на себя, а здесь работали день и ночь на Ленское товарищество не только рабочие, но жены и дети их. Только Белозеров мог создать такой кабальный договор о найме рабочих, о котором уже упоминалось.

Для проведения в жизнь такого кабального договора у Белозерова были верные служаки. Белозеров поставил дело так, что каждый нарядчик считал себя маленьким Белозеровым. На некоторых верных служаках Белозерова стоит остановиться.

Первая фигура—Теппан, заместитель главного управляющего приисками, инженер-немец. Когда Белозеров уезжал в Петербург и подолгу там жил, Теппан без него строго проводил всю его систему. Сам по себе безличный человек, он был тенью Белозерова, осуществляя созданный десятилетиями белозеровский режим, точно и пунктуально выполняя распоряжения свыше. Не рассуждать, а выполнять—это был девиз Теппана.

Вот и другие фигуры. На Федосиевском прииске был становым знаменитый Станукинас Иван Варфоломеевич, латыш, саженного роста, колоссальной физической силы. Вот этому богатырю и поручена была судьба всех федосиевских рабочих: он принимал на роботу, расчитывал, давал квартиры и выгонял, давал наряды—какую артель и в какую шахту послать, он штрафовал за прогулы, за неподчинение тому или другому нарядчику, творил суд и расправу над всеми рабочими, над их семьями.

Федосиевские рабочие прозвали его „кумом“. Кличку эту он получил в связи с некоторыми „деликатными“ обстоятельствами. Когда выгоняли с прииска семейного рабочего, то жена этого рабочего обыкновенно шла на квартиру к Станукинасу (он был холостой) просить не расчитывать мужа; некоторым женам просьба удавалась...

Опозданий на раскомандировки Станукинас не терпел. Работа начиналась после свистка паровой машины в 6 часов утра, тот же свисток будил рабочих за час до начала работы, т. е. в 5 часов утра, но Станукинас требовал, чтобы рабочие на раскомандировках были не позднее пяти часов,— значит нужно было вставать в 4 часа утра. На какую работу он ни назначал—нужно было беспрекословно итти; протестующих выгоняли из раскомандировочных и в этот день они другой работы не получали, а на второй день им давалась еще худшая работа. Нередки были случаи, когда спорившего рабочего Станукинас брал за ворот и выбрасывал из раскомандировочной в снег, как котенка. Жаловаться было некому—становой на прииске был неограниченный хозяин.

На таких людях, как Станукинас, держалась система Белозерова; он часто кричал на рабочих:

— Куда бы вы ни пошли жаловаться, вас обратно пошлют ко мне. На Федосиевском прииске не только поверхность, но и мастерские и шахты зависят от меня.

Бывали случаи, когда артель, не подчинившуюся его распоряжению, он по нескольку месяцев держал на ледяной канаве или на водоотливной штреке, где рабочие при сорокаградусном морозе работали по колена в воде.

Кроме явного издевательства и насилий над рабочими и их семьями, Станукинас ввел систему шпионажа в рабочих казармах. Все, что говорилось в казармах против начальства, против отдельных лиц администрации и технических руководителей, на другой же день было известно Станукинасу. На своих раскомандировках он вызывал по фамилии отдельных рабочих и, издеваясь над ним, говорил:

— Ты вчера про меня говорил то-то, за эти разговоры пойдешь в дальнюю тайгу на Кулибряник (куда больше полутораста верст нужно было итти пешком и на себе нести все свои пожитки; таежная тропа вела через бурные речушки, которые нужно было переходить по пояс в воде в любое время года).

Так расправлялись с рабочими верные слуги капитала, одним из ярких представителей которого являлся становой

Федосиевского прииска Станукинас. Его фамилия стояла в первом списке лиц, которых рабочие требовали удалить с приисков Ленского товарищества, но это требование Белозеров не удовлетворил. Зная отношение к себе рабочих, Станукинас и еще десятка полтора таких же звероподобных служащих, как только вспыхнула забастовка, сбежали с приисков.

В дальней тайге на богатом Ивановском прииске был становой Марков Александр Митрофанович. Ему за особо бесчеловечное обращение со всеми рабочими и их семьями дана была кличка „Зуб“ и так это название осталось за ним до смерти; никто из рабочих не называл его иначе, как „Зубом“. Этот „Зуб“ не только управлял поверхностью и влиял на шахтные работы, но он очень часто производил экскурсии в шахту и там наводил свои порядки.

Ивановский прииск имел другие особенности, чем Федосиевский: там золото находится при скале и в самой скале, а над этим золотом лежат речниковые породы, а зачастую и чистый желтый песок; в таких породах опасно работать и нужно быть высококвалифицированным забойщиком, хладнокровным и находчивым человеком, чтобы не засыпать забой речниками и песком; там редкий месяц работа протекала без человеческих жертв.

Чтобы избежать несчастья, рабочие работали с полями, устраивая проклинку с сеном и с пучками зелени.

Вот приходит в такой забой „Зуб“ и во время работы по проклинке забоя с насмешкой говорит:

— Видишь, какая у нас хорошая работа: лежи на боку, забивай клинышки и получай денежки с Ленского товарищества. Отдых, а не работа!

В этих шахтах скоплялось громадное количество воды и для ее отвода в шахте по главной штольне проходила штрековая канава глубиной не менее полутора аршина. По очистке этих канав от ила ежедневно работало по пять-десять человек. В длинных сыромятных сагирах рабочие одиннадцать часов должны были со дна канавы доставать ил. Такая работа, если она продолжалась недели две-три, оканчивалась серьезным заболеванием рабочего: простудой

всего тела или острым ревматизмом. „Зуб“ подходил к канавщикам и зло над ними издевался:

— Вы здесь, наверное, золото моете, поэтому у вас так много илу в канаве. Я вам дам отдельного нарядчика, чтобы смотрел за вами во все глаза, а то я знаю, вы таскаете с золотых забоев пески и здесь промываете их.

Особенно издевался „Зуб“ над новыми рабочими, которых он буквально не переваривал: „лодырь“, „лентяй“, „калахта“, „косопузый“ и т. п. не сходило с его языка.

Штрафы, расчеты, лишение квартиры чередовались у него с насмешками и издевательствами. Приисковая стража и местный урядник были целиком в его руках; они смотрели только за тем, чтобы рабочие не могли воспользоваться подъемным золотом и не взяли у ленцев где-либо гвоздей, дров или еще каких-либо материалов для своих нужд,— за этим они смотрели строго и карали, но делами, связанными с хулиганством, пьянством и насилиями над женщинами стражники совершенно не интересовались, несмотря на то, что на почве культивируемого на приисках пьянства сильно была развита поножовщина, разврат и насилия над женщинами.

Были случаи, когда женщины, попавшие в руки пьяным приискателям, иногда даже искалеченные ими, приходили к „Зубу“ жаловаться и указывали фамилии обидчиков. „Зуб“ лицемерно предлагал рассказать все подробности, где и как что было, а потом, ехидно улыбаясь, заявлял:

— У нас здесь дальняя тайга, свои законы, никаких мы рассейских законов не признаем; на приисках в помещениях у нас закон существует самый настоящий, ну, еще существует закон на дороге, где ездят и ходят. А вот в пяти шагах от дороги, в тайге—там никакого закона нет. А вас обидели в пятнадцати шагах от дороги, значит, там, где никаких законов нет. Идите домой и больше не попадайтесь.

Так кончался разговор обиженных женщин со становым „Зубом“. Мужья обыкновенно не ходили жаловаться на обиды, нанесенные их женам. Если же кто-либо пытался это сделать, то становой выставлял его на посмешище

прииску и на раскомандировке громогласно заявлял, что такой то рабочий, Сидоров или Степанов, приходил вчера к нему жаловаться на таких то хулиганов, а эти, мол, хулиганы—хорошие парни, ничего худого не делали, а только проводили его жену на Тихоно-Задонский прииск.

В тайге не было другой власти, кроме власти становых, смотрителей и нарядчиков. За всякую небольшую ошибку или упущение карали тройными штрафами, переброскими с лучших работ на худшие, и дальняя тайга знает много случаев, когда „Зуб" своими гонениями и издевательствами загнал в гроб не одну сотню молодых цветущих рабочих.

Мы говорили о шпионаже в казармах Федосиевского прииска. Организатором слежки и самым ярым шпионом был некто Бармин, обходный Федосиевского прииска. Официальные служебные его обязаности было — ездить по казармам и записывать, кто не вышел на работу и передавать списки прогульщиков становому; неофициально—он организовывал в каждой казарме свой шпионский пост, который передавал обо всем происходившем в казарме обходному Бармину, а Бармин передавал по начальству.

Бармин знал все дрязги семейных рабочих, все истории и интриги каждого барака, он стравливал рабочих между собой, памятуя иезуитское правило: „разделяй и властвуй". Ему было дано право распределять квартиры на прииске, отбирать эти квартиры и переводить с одной квартиры на другую; и сколько неприятностей и всяких интриг велось вокруг квартир, даже таких скверных, какие были у Ленского товарищества!

Самое же позорное в действиях Бармина было — это вербовка и поставка начальству белых рабынь. Практиковалось это на Ленских приисках, и особенно на Федосиевском прииске, в широких масштабах.

Главным организатором этого позорного явления был не кто иной, как Филарет Бармин (иронически рабочие звали его „Филарет милостивый"). Он с увлечением и, очевидно, по призванию выполнял свое грязное дело и настолько вошел в роль шпиона и сводника, что потерял всякое человеческое чувство.

Памятен один момент: когда федосиевцы 4-го апреля бежали на выручку на Надеждинский прииск, Бармин стоял у конторы и со змеиной усмешкой говорил проходившим рабочим:

— Бегите, хватит пуль и для вас! Как польют вас свинцовым дождичком, так вы успокоитесь и не будете нервничать.

Это он говорил в тот день, когда от царских пуль погибло пятьсот пролетариев. Что же было ждать от такого человека!

Во время забастовки его фамилия красовалась в списке лиц, намеченных рабочими к изгнанию с приисков, вместе с Санукинасом, „Зубом" и другими дегенератами-садистами, которых так ценило за верную работу Ленское золотопромышленное товарищество. Эти имена стали нарицательными на долгие-долгие годы в ленской тайге, этими именами пугали детей, да и не только детей, но и взрослых. Это действительно были кровожадные хищные псы капитализма, терзавшие сотни тысяч пролетариев, на крови и костях которых воздвигалось в старой царской России, да и теперь еще воздвигается в буржуазных странах, чудовищное здание капитализма. Пролетарская революция у нас опрокинула капиталистов, выкорчевала и расчистила капиталистические опорные пункты. В справедливом гневе своем наша Октябрьская революция не щадила врагов рабочего класса, не пощадила она и Бармина: революционный трибунал Ленских золотых приисков присудил Бармина к высшей мере социальной защиты и привел ее в исполнение.

По другому способу служил капиталистам смотритель Коробов, командир 45-й шахты, самой богатой золотом. Рабочие не звали его ни по имени, ни по фамилии, а просто „цирульник". И, действительно, лучшего названия нельзя было подобрать. Многие из смелых приискателей прямо в глаза ему говорили, что никто так не умеет стричь рабочих, как смотритель 45-й шахты. У себя на шахте дело обсчета и обмера рабочих он поставил мастерски. У него на рулетке была нашита лента сантиметров на 15, а на ленте кольцо без обозначений сантиметров и метров. Он

тащил рулетку до забоя и мерил забой по самой выдающейся точке,—найдет где-нибудь камень и к этому камню приткнет рулетку. Рабочие запротестуют:

— Зачем вы мерите не там, где следует. Мерить нужно, где середина забоя.

Он им отвечает:

— Вы посмотрите мою рулетку, у меня рулетка особенная, моя рулетка длиннее, чем у других смотрителей, и я вам сейчас запишу точно, сколько вы сработали.

И он при рабочих записывал то, что он смерил, а он недомерял 15 сантиметров пришитой ленты к рулетке и сантиметров 20 в забое. Все эти недомеры составляли половину выработки рабочих, и в результате, как ни работай, больше рубля у „цирульника" не выработаешь. Кроме того, при подсчетах он копейки не считал:

— У меня шахта богатая, я вам не запрещаю искать золота, поэтому зачем я буду считать копейки. Заработал ты 1 р. 95 коп., я пишу 2 рубля, заработал ты 1 р. 40 коп., я пишу рубль. Мы люди богатые, на копейки считать не умеем.

Так обмеривал и обсчитывал рабочих „цирульник" на шахте 45 Федосиевского прииска. Но внешне этот человек держался с рабочими просто, всегда смеялся, разговаривал с рабочими шутками и прибаутками, ходил по шахте и угощал рабочих папиросами. Когда же он выработал свою шахту 45-ю, то Всеволод Самохвалов, управляющий Федосиевского прииска, во всеуслышание хвалился:

— Лучшего смотрителя, как Коробов, нам не найти, хотя рабочие и зовут его „цирульником"— это правильно, он прекрасно брил и стриг рабочих. Несмотря на крепкий грунт и мокрые работы, 45-я шахта на заработную плату израсходовала на 55% меньше денег, чем другие шахты, а это значит, мы имеем дохода от 45-й шахты за два года 2.000.000 золотых рублей только на одной заработной плате. Молодец „цирульник"! Мы ему дали 3.000 рублей награды и 2-хмесячный отпуск для поездки на курорт.

Когда рабочие потребовали удаления администрации из приисков, то фамилия смотрителя шахты Коробова стояла

в первом ряду. Но во время ленской забастовки „цирульник" не выдержал, раньше всех убежал с приисков и больше не возвращался.

Были и другие типы, как управляющий Липаевского прииска Савинов, самодур и пьяница. Тот допускал в своих шахтах не только обмеры и обсчеты рабочих, но устраивал тайную промывку золота, т. е. не только грабил рабочих, но уже запускал руку и в карман хозяев. На эти краденные деньги устраивал оргии на островах реки Витима, где он проводил вместе со своими подручными по 3-4 дня и куда бодайбинские торговцы доставляли водку, всякие яства и целые гаремы женщин. Все это проделывалось на глазах полиции, городских властей, но сила ленских капиталистов и их слуг была так велика, что и полиция, и городское управление сквозь пальцы смотрели на проделки самодура. На одной попойке произошла колоссальная драка и убийство двух собутыльников, но никаких неприятных последствий для Савинова не было, послали его в отпуск на два месяца, а потом пересадили с Липаевского прииска в дальнюю тайгу на прииск Светлый.

Безнаказанность и полная безответственность царствовали в ленской тайге до самой ленской забастовки. Если нужно показать рабочему классу пороки капитализма, пирамиду дельцов капитала и их верных слуг, ту пирамиду, которую держал на своих плечах рабочий класс бывшей царской России, истекая кровью,—то лучшего материала, чем ленские директора, смотрители и служащие трудно найти во всем мире.

Историк и талантливый писатель может получить из них прекрасный материал для изображения омерзительного лица капитализма, который заграницей, конечно, не лучше, чем был у нас.

Защитники капитала

Об окружном инженере Тульчинском и об его роли в ленской забастовке написано очень много, но точного представления о нем нет. Таким, каким его считали рабочие и каков он был на самом деле, нигде не описано. В этой грозной обстановке суровой борьбы рабочих с капиталистами и правительством, его фигура, колеблющегося интеллигента, глубоко запечатлелась у всех забастовщиков По мнению забастовщиков, в Тульчинском все время сидело два человека. Он хотел играть роль вождя, защитника рабочих и именно к этому и относится его громкое заявление, когда он 19 марта по приезде из Петербурга сказал:

— Главный забастовщик — это я. Я уже́ три года веду непримиримую борьбу с Ленским товариществом и отстаиваю законные права рабочих.

Это был его благородный жест. Когда же на него нажали Трещенков и Теппан, то он 2-го и 3-го апреля дал согласие арестовать стачечный комитет с Баташевым во главе. Здесь сказался буржуазный чиновник с либеральною душою.

4-го апреля в момент расстрела рабочих он начинает убеждать рабочих немедленно вернуться назад, так как иначе их будет арестовывать, а может быть и расстреливать Трещенков. Он обещает гарантию освободить выборных рабочих, но благородные разговоры инженера Тульчинского прерывает ураган свинца, направленный рукой ротмистра Трещенкова из двухсот солдатских винтовок.

Героическая стена рабочих, своей грудью закрывает от пуль инженера Тульчинского, спасает его от смерти. А он,

спасшийся от явной смерти благодаря саможертвованию рабочих, в ту же ночь, когда 500 человек павших под пулями жандармского ротмистра истекали кровью и корчились в предсмертных муках,— пишет телеграмму иркутским властям, что со стороны рабочих была явная угроза воинской команде и последняя, в целях самозащиты, должна была открыть стрельбу по толпе.

Спустя два дня, 6-го апреля, он посылает другую телеграмму и просит тех же иркутских начальников считать его первую телеграмму неточной, объясняя, что он ее написал под влиянием момента и „глубоких переживаний" в связи с расстрелом рабочих.

Перед нами раскрывается истинная сущность царского либерального чиновника, пытающегося стать в позицию народного печальника и неизменно проваливающегося в интеллигентское болото. Мы знаем хорошо, что Тульчинский после ленской забастовки окончательно выздоровел от своего либерализма и уже больше не играл роли защитника рабочих масс, являясь ярким представителем царского правительства и крепким защитником интересов Ленского золотопромышленного товарищества.

Так закончил свою карьеру знаменитый окружный инженер Тульчинский, пытавшийся занять половинчатую позицию между трудом и капиталом. Все, занимающие такую позицию, неизбежно скатываются в сторону капитализма и через этот исторический закон не мог перепрыгнуть и инженер Тульчинский.

Нельзя обойти молчанием фигурку Александра Федоровича Керенского, который, кроме сожалений и смеха, ничего не вызывал у рабочих-забастовщиков. Привыкший ходить по блестящему асфальту Петербургских проспектов, он на каждом шагу спотыкался о гальку и скалистые неровности приисковых тропинок и обрывал себе ежедневно подметки; раза два разбил очки. На митингах он говорил длинные речи и в конце каждой речи обязательно плакал навзрыд, чем очень удивлял суровых приискателей. Старики говорили:

— У нас в тайге даже ребятишки не плачут, а этот

взрослый, да еще из Петербурга и, кажется, адвокат, а ревет как баба.

Александр Керенский особенно упражнялся в красноречии на Федосиевском прииске, но там эти упорные забастовщики молча слушали Керенского и молча уходили.

О чем он говорил? Он говорил, что хотя ленцы виноваты, но все же предъявлять требования к Ленскому товариществу и судиться с ним он будет только тогда, когда рабочие выйдут на работу и дадут возможность сенатору Манухину познакомиться с условиями труда забойщиков, когда каждый рабочий будет стоять на своем посту. Тогда он, Керенский, дает слово от имени всех 12-ти адвокатов Москвы и Петербурга судиться с Ленским золотопромышленным товариществом о вознаграждении рабочих за все время забастовки.

Забастовщики своим чутьем поняли, что от Керенского ждать защиты им не приходится и хотя и вышли на работу, но только потому, что стачечный комитет и совет старост так решили, выставив боевое условие о предании суду виновников расстрела. Поскольку же это условие не было выполнено, а главного палача Трещенкова под чужой фамилией Кашина отправили с приисков,— все, как один, вновь бросили работу, и тут уже не помогло красноречие Керенского.

Он, разочарованный в рабочих и боящийся рабочих, раньше всех других адвокатов уехал в Петербург, но перед отъездом опутал рабочих на несколько тысяч рублей в компании с адвокатом Патушинским (который потом был министром юстиции у Колчака). Он собрал больше 8.000 расчетных книжек рабочих и по три рубля денег с каждого рабочего, дав письменное заявление с обязательством предъявить судебный иск к Ленскому товариществу и вытребовать вознаграждение каждому рабочему за четыре месяца забастовки. Это дело тянулось до Февральской революции,— ни книжек, ни денег Керенский не вернул — все пропало у рабочих, как пропал и сам Керенский, превратившийся из плохого адвоката в белогвардейца-эмигранта первой марки,

ведущего преступную работу против страны советов, против пролетарской диктатуры.

Когда в 1917 году Керенский был у власти, то рабочие, которые сталкивались с ним по делу ленских событий, с насмешкой и недоверием относились не только к Керенскому, но и ко всему правительству, возглавляемому им. Особенно это было заметно в горных районах Сибири, в Кузнецком и Черемховском угольных бассейнах и на золотых приисках: бывшие забастовщики Ленских приисков достаточно поработали для дискредитации „героя Керенского".

Отзвуки забастовки в России и заграницей

Владимир Ильич Ленин уделял колоссальное внимание ленской забастовке. Он прямо говорил, что ленская забастовка явилась переломным моментом после реакции 1908-1910 г.г. Ленская забастовка открыла первую страницу величайших классовых боев, приведших к Октябрьской революции. Тов. Ленин ставил это событие наряду с 9 января 1905 года, когда расстрелянные царской гвардией рабочие наконец прозрели, поняв, что царю петицию подавать нельзя, а с царем нужно вести борьбу тем же оружием, каким он вел борьбу с рабочим классом, т. е. нужно завоевать армию, овладеть оружием и организовать вооруженное восстание.

После ленского расстрела рабочие также поняли, что с капиталистами нельзя бороться мирной забастовкой, что против капиталистов нужно иметь крепкие организации, нужно иметь вооруженную силу в руках. И не напрасно была пролита кровь 4-го апреля 1912 года. Рабочий класс в России уже в апреле, мае и июне 1917 года ставит вопрос о полном вооружении рабочих, и к Октябрьским дням не только в Ленинграде, не только в Москве, но и во всех рабочих центрах партия коммунистов-большевиков имела, вооруженные отряды Красной гвардии, сыгравшей величайшую роль в деле завоевания власти, власти рабочих и крестьян. Ленский расстрел был предметным уроком для рабочего класса, который под руководством ленинской партии во главе с Лениным брал в октябре твердыни капитала.

С тех пор прошло много времени. Выросло новое поколение. Целое поколение работников сменилось. Но урок

ленских событий служит живым и ярким примером для молодых, идущих на смену старым борцам.

В 1932 году было 20-тилетие ленских событий. Скромно собрались старые руководители стачки, да и осталась их горсточка: Черепахин, Баташев, Лебедев, Подзахотников и Кудрявцев. В Москве в одном из театров были прочитаны доклады, выступали старые авторитетные товарищи: т. Ярославский и т. Лепешинский.

Разбирались ленские события с разных точек зрения, но все оценки сводились к одному: классовая солидарность, стойкость, героизм и чувство самопожертвования забастовщиков напоминают славные дни Парижской Комумны. Оторванные от всего мира на тысячи верст, окруженные угрюмыми горами, бурными реками и непроходимой тайгой в далекой Сибири, поставленные лицом к лицу перед подкупленными солдатами киренского гарнизона и жандармами, наемными стражниками, — рабочие Ленских приисков не растерялись, не сдали позиций, а наоборот, вдохновили растерявшихся вожаков, подкрепили их своим упорством и решимостью. Ленская забастовка, которая началась экономическими требованиями, переросла в величайшее политическое событие, в грандиозную классовую битву, финалом которой явилось поражение царского правительства. Ленская стачка нанесла смертельный удар акционерному Ленскому товариществу, во главе которого стояли такие лица, как бывший министр торговли и промышленности Тимашев, Гинцбург, Белозеров и другие. После двенадцатого года Ленское золотопромышленное товарищество уже не могло организовать добычу золота до размеров 1910 и 1911 г.г. В эти, предшествовавшие ленской стачке годы, на приисках добывалось золота свыше тысячи пудов в год, ежедневная же намывка была 3—$3^1/_3$ пуда, а были дни, когда намывали 4—5 пудов. Последующие же годы дают большое снижение добычи.

Но еще более сокрушительный удар был нанесен забастовкой царскому правительству. Упорная борьба ленских рабочих, расстрел и организованный уход с приисков всколыхнули рабочие массы, вызвали рост рабочего движе-

ния, затихший в годы реакции. Майские демонстрации 1912 года, основным лозунгом которых был протест против ленского расстрела, собрали более 400 тысяч участников. Повсюду на фабриках, заводах, рудниках вспыхивали забастовки-протесты.

Вот выдержка из воззвания по поводу ленских событий Киевской организации РСДРП: „Неужели при известии о кровавой бойне на Ленских приисках не закипит гневом сердце каждого из нас? Неужели не вырвется из нашей груди дружный крик негодования и протеста? Нет, товарищи, стыдно, преступно молчать".

Приуральский Совет СД выпустил такую прокламацию: „У нас в России праздник 1-го мая проходит под звон похоронных колоколов, под стоны и вопли рабочих, расстрелянных на Ленских приисках. Сомкните же ряды! Пусть дни траура и печали будут грозным протестом против расправ и расстрелов, против власти капитала и самодержавного правительства".

Петербургский Союз СД рабочих организаций выпустил прокламацию к 1 мая 1913 года, которая начиналась так: „Товарищи, могучий подъем стачечного движения последнего года, стихийный взрыв великого праведного гнева при первой вести о кровавом ленском расстреле показали, что вновь бодр и силен, как прежде, русский рабочий класс и вновь готов к беспощадной последней борьбе".

Рост рабочего движения под влиянием ленских событий показывают следующие цифры:

В 1905 г.	всех	участн.	стачек	было	2863 т. чел., из них политич. 1052 т. чел.
в 1906 г.	„	„	„	„	1180 т. чел., из них политич. 602 т. чел.
в 1907 г.	„	„	„	„	740 т. чел., из них политич. 540 т. чел.
в 1909 г.	„	„	„	„	64 т. чел.,
в 1910 г.	„	„	„	„	47 т. чел.,
в 1912 г.	„	„	„	„	1500 т. чел., из них политич. 911 тысяч.

Так нарастало великое рабочее движение, так революционизировался рабочий класс.

Владимир Ильич Ленин писал: „Стачечное движение 1912 года почти в полтора раза превысило движение 1906 года

Участники ленской забастовки (справа налево). 1. Кудрявцев Иван Николаевич (делегат и староста), 2. Черепахин Григорий Васильевич (председатель стачечного комитета), 3. Аршаков Арсений Константинович—забойщик Федосиевского прииска

и главное — со значительным числом участников в политических стачках. Движение началось с массовых стачек и поднятия республиканских знамен и притом стачки 1912 года носят характер наступательный, а не оборонительный".

Таким образом, ленская забастовка явилась величайшим историческим событием, давшим первую победу рабочему классу после годов реакции.

В день годовщины ленских событий — 17 апреля мы обнажим головы свои перед великой могилой пятисот человек пролетариев, погибших в далекой суровой тайге за освобождение рабочего класса, за мировую социальную справедливость. Пусть память о них будет живой в сердцах сотен миллионов пролетариев! Вспомним слова пролетарского поэта Демьяна Бедного, в гневе своем проклявшего тех, „кто этот страшный день забудет, кто эту кровь врагу простит"...

Участники ленской забастовки (справа налево): 1. Кудрявцев Иван Николаевич (делегат и

Исповедь либерала горного инженера Тульчинского

Известный инженер Тульчинский, игравший не последнюю роль в ленской забастовке, по предложению Союза горнорабочих Сибирского Комитета в феврале месяце 1922 года лично написал воспоминания о событиях на Лене. Он пишет:

„С 30-го марта 1912 года переговоры с рабочими прекратились и может быть напрасно, так как ко 2-му апреля настроение рабочих заметно изменилось к худшему, стало чрезвычайно нервозным, что отчасти можно объяснить себе тем, что на меня, как объясняли мне близкие люди, рабочими возлагались большие надежды, вроде, например, что стоит мне только приехать на прииск и я заставлю ленцев увеличить плату.

Нервозность рабочих к этому времени (2 апреля) настолько повысилась, что выдача из продовольственной лавки Нижнего Управления невполне доброкачественного мяса привела всех рабочих Александровского прииска в большое волнение. В обычное время такой факт не послужил бы поводом к каким-либо выступлениям, ограничилось бы всего заявлением отдельных рабочих, мясо это было бы отсортировано и плохое изъято из употребления и этим инцидент был бы исчерпан.

Между тем, выдача этого мяса, несмотря на составленный по требованию рабочих полициею протокол, сильно взволновала рабочих, они требовали немедленного прибытия моего на прииски.

На другой день, 3-го апреля, ранее моего прибытия к рабочим, александровские рабочие собрались по поводу

той же выдачи мяса у полицейского дома Нижнего Управления против самых казарм. Утром к ним прибыл ротмистр Трещенков, принятый рабочими весьма враждебно. Необходимо отметить, что вообще появление ротмистра Трещенкова среди рабочих действовало не умиротворяюще, а наоборот, так как он сразу же с первых дней принял в отношении их, при переговорах, грубый тон, вполне неуместный после месячного мирного течения забастовки, и такое его обращение с рабочими их очень раздражало.

Когда я прибыл к часу дня 3-го апреля на Надеждинский прииск, то ротмистр Трещенков, сообщая мне о сильном возбуждении рабочих, не признавал возможным отпускать меня одного к ним, поехал вместе со мною, что называется, навязался, распорядившись, чтобы его сопровождала воинская команда, которая и прибыла вместе с нами в поезде на Александровскую станцию, а затем расположилась на главном приисковом тракте против Александровских казарм.

Теперь сознаю, что это было величайшей с моей стороны ошибкой допустить вызов ротмистром Трещенковым команды для нашего сопровождения; мне надлежало отправиться к александровским рабочим одному, даже без ротмистра, но к несчастью, неуспех в переговорах с рабочими андреевскими, васильевскими, утесистыми и федосиевскими, невыход рабочих по моему предложению на работы в назначенный мною срок умалил значение мое, как окружного инженера. Этот неуспех отнял у меня уверенность в себе и власть распоряжаться незаметно перешла к ротмистру Трещенкову, направлявшему свои действия, после назначения его начальником полиции, безапелляционно, на правах довольно беззастенчиво присвоенного им положения, как бы временного военного генерал-губернатора.

Конечно, хождение мое в сопровождении ротмистра Трещенкова, урядника и целого наряда стражников не могло внести большого успокоения среди рабочих. По предложению ротмистра рабочим войти в казармы, большинство не послушалось и оставалось вне их, собравшись около них в отдельные большие группы, что, в свою очередь, осердило ротмистра Трещенкова и осложняло положение.

Выслушивая претензии рабочих и, главное, на отпуск недоброкачественного мяса, я тогда уже указывал рабочим, что сознательного кормления их таким мясом со стороны приисковой администрации не могло быть, что это недосмотр людей, приставленных к делу выдачи продуктов, что скот покупался большими партиями, пришел сюда на ногах, благодаря местным неблагоприятным условиям исхудал ранее убоя и что другого мяса, кроме заготовленного, в общем вполне удовлетворительного качества, нельзя уже достать. Кроме того, я сообщил, что образую комиссию для осмотра поступающего в пищу рабочим мяса, рассмотрю претензии на неправильный подсчет в расчетных книжках другие претензии рабочих будут также расследованы, но на все это нужно время, нужно подождать, не волноваться, и вот все эти успокоения в этот день мало действовали, рабочие говорили все время в возбужденном состоянии и даже позволили себе в отношении меня грубости, несмотря на то доверие, которым я пользовался у них раньше. Все это я об'ясняю себе тем, что я должен был явиться к александровским рабочим без полиции, один тем более, что это было первое мое прибытие к ним после возвращения из поездки в Петроград.

После сего я возвратился на Надеждинский прииск, где получил телеграмму Уполномоченного Правления Ленского товарищества Салодилова из Иркутска от 2-го апреля об уступках Ленского товарищества, не вносивших ничего особенно нового в создавшееся положение.

Когда я находился в посетительской, на Надеждинском прииске, туда прибыли мировой судья Хитун и товарищ прокурора Преображенский, которые, совместно с ротмистром Трещенковым, занялись обсуждением, в отдельной его комнате, при закрытых дверях, приготовления к аресту выборных от рабочих. Помешать этому аресту я не мог, к разрешению этого весьма серьезного вопроса указанными тремя лицами я не приглашался, а вмешиваться тогда в действия с особыми полномочиями от департамента полиции жандармского офицера, прокурорского надзора и судебного следователя не признавал возможным. Произойдет ли арест

в ночь с 3-го на 4-е, в точности не узнал и уехал перед вечером к себе на Успенский рудный прииск.

Утром 4-го апреля в 6 часов я был разбужен тревожным в парадное крыльцо звонком. Оказалось, что прибыл урядник Маньков, сообщивший мне, что ко мне идет огромная толпа рабочих с Андреевского, Утесистого и Васильевского приисков, свыше 1000 человек, очень взволнованная, так как ночью были произведены аресты выборных. Действительно, к $6^1/_2$ часам утра около въездной арки Успенского прииска показались рабочие и, не дойдя до приисковой конторы, задержались на примыкающей к недостроенному дому площади Успенского прииска; на этом месте рабочие оставались 15-20 минут, а затем подошли к моей квартире к 7 часам утра. Когда я вышел на крыльцо, то встретил сильно возбужденных рабочих указанных выше трех приисков, претендовавших за арест их выборных, указывавших на несправедливость арестов, говоривших, что выборные были избраны по распоряжению самого Промыслового Управления, что говорить иначе никто с рабочими, с целою толпою не хотел, что и окружной инженер распорядился прислать к нему 24-го марта выборных и что если они выборных послали, то считали, что выборные при таких условиях являются лицами неприкосновенными. Рабочие требовали от меня самым категорическим образом освобождения арестованных немедленно, в противном случае угрожали собрать всех рабочих с приисков Ленского товарищества и двинуться на Бодайбо для их освобождения и назначили срок освобождения арестованных —3 часа дня того же 4-го апреля 1912 года. Пришлось разъяснить, что освободить от ареста я не мог, что об обстоятельствах ареста я должен справиться у судебных властей, что рабочим нужно успокоиться, что самый арест уже не такая страшная вещь, чтобы следовало так волноваться, как они волнуются. Рабочие жаловались, что аресты произведены ночью, что это их семьи испугало, что могли быть в темноте разные недоразумения, которые в свою очередь могли повести к весьма печальным последствиям. Я объявил рабочим, что буду немедленно телеграфировать иркутскому губернатору,

просил их успокоиться, возвратиться в казармы и ни под каким видом не предпринимать хождения в Бодайбо, во избежание могущих быть несчастий, так как войска не допустят прихода рабочих на Бодайбо. Рабочие при этом выговаривали мне, что я будто-бы способствовал аресту своими указаниями их выборных, так как эти выборные были у меня. Конечно, против такого предположения я самым категорическим образом протестовал, еще раз убеждая рабочих успокоиться и не предпринимать ничего, пока не получат от меня известия. В целях успокоения вернулся снова к вопросу о возобновлении работ, убеждал рабочих встать на работу, но рабочие, сравнительно успокоенные, все таки требовали прежде всего немедленного освобождения арестованных, и, наконец, через час после прибытия на Успенский, разошлись, по моему предложению, отправившись спокойно на свои прииски.

По поводу происшедшего было мною послана Иркутскому губернатору, и копия начальнику Горного Правления, срочная телеграмма, отправленная в Бодайбо по телефону в 10 час. утра того же 4-го апреля 1912 г. В этой телеграмме, между прочим, я просил об освобождении выборных и сообщал, что положение нахожу угрожающим если арестованные не будут освобождены.

После отсылки означенной телеграммы я немедленно выехал на лошадях на Надеждинский прииск для выяснения создавшегося положения. На пути около 12 час дня я встретил возбужденных рабочих Александровского прииска в количестве свыше 1000 человек. Толпа эта шла с Александровского прииска на Липаевский, в дистанционную контору, к начальнику дистанции для получения немедленного расчета. Рабочие эти остановили меня и, держась в отношении меня вызывающе, требовали немедленного особождения арестованных. Я объяснил рабочим, что еду по этому вопросу к товарищу прокурора и убеждал рабочих, чтобы по прибытии на Липаевский прииск они не прибегали к насилиям и, кроме того, не ходили бы вообще такими толпами.

По приезде на Надеждинский прииск я узнал о собравшихся свыше 2000 рабочих на Федосиевском прииске и что

рабочие этого прииска требовали моего приезда туда. Когда я направился на Федосиевский прииск, то увидел большую толпу рабочих, собравшихся у приисковой конторы на левом склоне, считая вниз по течению долины реки Бодайбо. На правом же склоне, напротив, стояла рота солдат. После прибытия на Федосиевский я встретил там около Воинской Команды—начальника Воинской Команды, товарища прокурора, мирового судью и начальника полиции.

Я поставил условие этим лицам, что поеду к рабочим, если только рота уйдет со своей позиции и удалится в Народный Дом, место своей стоянки. Условие это было принято и я под'ехал к конторе, где рабочие стояли всею общею массою. Дав условный знак рукой и дождавшись, когда рота ушла, я подошел к рабочим, которые пропустили меня к крыльцу. На мое приветствие „здравствуйте" и обнажение при этом головы от фуражки рабочие ответили молчанием, а затем начали говорить некоторые из рабочих, обвиняя меня в том, что я выдал следователю выборных и указывал, кого нужно арестовать, на что, конечно, я самым категорическим образом возражал, что ничего подобного мною не было сделано, а что арест произведен судебными властями самостоятельно, вместе с полициею.

Рабочие заявили мне, что этому объяснению они не верят, так как за час перед этим заведывающий Федосиевским Управлением Самохвалов в присутствии всех сообщил им, что он сам слышал, как окружный инженер Тульчинский указывал, будто бы, в посетительской на Надеждинском прииске прокурору фамилии тех лиц, которых нужно арестовать. Мне оставалось только обратить внимание рабочих на злостную клевету Самохвалова, всегда относившегося ко мне враждебно за тот целый ряд составленных на него протоколов и наложенных по ним денежных взысканий за неисполнение им законов, ограждающих труд, здоровье и жизнь рабочих Федосиевского Управления.

Рабочие требовали от меня немедленного освобождения арестованных своих выборных, назначив срок на 9 часов

утра следующего дня — 5 апреля и, в общем, все рабочие были сильно возбуждены, некоторые выкрики рабочих по отношению к промысловой администрации были весьма озлоблены, при этом требовали немедленного расчета, прекращения дальнейших арестов и закрытия шахты № 46, пущенной промысловым управлением накануне по распоряжению Теппана без уведомления меня и для того, вероятно, чтобы сманить на богатую шахту часть бастовавших рабочих.

Я сообщил, что настою на закрытии шахты № 46, что расчет будет сделан, а относительно прекращения арестов мог только сказать, что это не в моей власти.

Когда я возвратился на Надеждинский прииск, я вел беседу с товарищем прокурора Преображенским и мировым судьей Хитуном о положении и поставил вопрос о возможности освобождения арестованных в целях успокоения рабочих, на что получил указания Преображенского, что освобождение могло бы последовать в крайнем случае под мою личную ответственность за дальнейшее и при том по распоряжению прокурора Судебной Палаты и что на это надо иметь время. Тут же, на Надеждинском стало известно, что рабочие Андреевского, Васильевского, Прокопьевского и Пророк-Ильинского приисков идут на соединение с александровскими. После того пришло известие от урядника Каблукова о том, что толпа рабочих указанных приисков в количестве свыше 3000 человек направилась на Надеждинский прииск, на котором в Народном Доме расположилась воинская часть. В Народном Доме к тому времени начали собираться: начальник полиции ротмистр Трещенков, начальник местной роты капитан Лепин и его помощник капитан Санжаренко, товарищ прокурора Преображенский и мировой судья Хитун. Поехал туда и я. Начальник полиции признавал необходимым не пропускать шедшей толпы рабочих (свыше 3000) по тому приисковому тракту, по которому она двигалась, чтобы устранить соединение ее с федосиевскими рабочими, так как такое соединие образовывало бы, по мнению Трещенкова, массу людей свыше 5000 человек, что предста-

влялось ему чрезвычайно опасным для воинской команды в 110 человек, хотя в намерениях шедшей толпы никто перед этим точно не удостоверился. Когда рабочие прошли Александровский Полицейский Дом, где встретил их урядник Каблуков с несколькими стражниками, и стали приближаться к Надеждинской станции Бодайбинской железной дороги, к тому времени, около 5 часов дня, рота солдат спешно вышла из Народного Дома и расположилась поперек главного приискового тракта в две шеренги, в направлении от площадки перед Народным Домом до полотна Бодайбинской железной дороги. На правом фланге ее расположились офицеры, товарищ прокурора, мировой судья, прошел туда и я, крайне взволнованный, предвидя кровопролитие и не имея никакой возможности его предотвратить.

В самый последний момент, когда рабочие приблизились уже к Надеждинской станции, ротмистр Трещенков, вероятно и сам убедившись в неизбежности кровопролития, если рабочие не остановятся и не вернутся с дороги, а направятся на солдат, решил свернуть толпу с той дороги, по которой она шла, направив ее нижней дорогой позади Народного Дома, с каковой целью им спешно был послан на ст. Надеждинскую пеший стражник Китов объявить рабочим, чтобы они свернули с главного тракта и прошли бы правее нижнею дорогою позади Народного Дома. Услышав это распоряжение ротмистра и сознавая, что едва-ли рабочие послушают простого стражника, я стремительно кинулся по полотну Бодайбинской железной дороги, добежал до дороги, пересекающей полотно железной дороги и идущей на главный Надеждинский стан и далее по этой дороге навстречу рабочим, в надежде своими убеждениями остановить людей и затем свернуть их на нижнюю дорогу. К тому времени передняя часть рабочих подошла к той же поперечной дороге по главному приисковому тракту, идя всей шириной полотна тракта.

Еще будучи на полотне дороги, идущей к стану около переезда, я отчетливо услыхал троекратные сигналы рожка, предупреждавшие об открытии огня, но сознание грозящей для меня опасности как то затемнилось, все мысли со всем

напряжением сосредоточились только на том, чтобы во что бы то ни стало удержать рабочих от движения вперед на солдат, для чего быстро подбежал к рабочим, умоляя их со слезами на глазах свернуть и итти нижнею дорогою, так как солдаты не пропустят и откроют огонь. Ближайшие ко мне готовы были, казалось мне, свернуть, но остальная масса, говорили впоследствии, двигалась будто бы вперед, при чем этого движения вперед я сам не видел, так как был окружен густою толпой.

Около меня находился вблизи стражник Китов, напротив меня стоял спиной к солдатам помощник начальника Александровской станции,— фамилии его теперь не помню— успокаивая меня, и говорил:

— Успокойтесь и не волнуйтесь, хорошо, хорошо, мы свернем с тракта.

Только что он успел сказать эти слова, как открылся неожиданно огонь. Рабочие стремительно залегли, с ними лег и я. До начала огня кто-то из рабочих подал мне письменное заявление по поводу произведенных арестов.

От момента подачи сигналов рожком до первых выстрелов прошло 5 или 6 минут, после открытия огня я пролежал до первого прекращения стрельбы. В перерыв, привстав на колени, кричал о прекращении стрельбы; когда вновь началась стрельба, снова прилег и оставался в таком положении до прекращения огня, снова встал, махая фуражкой, кричал—не стрелять. В это время рабочий Шелудков подошел сзади, освободил полы моей шубы от державшихся за них руками раненых рабочих и, выведя вперед, по направлению к солдатам сказал:

— Идите, скажите, чтобы больше не стреляли.

Кругом лежали убитые и раненые рабочие и только один стоял на коленях с окровавленным лицом и говорил что-то, когда я проходил мимо него.

Выйдя через мост по тракту, я хотел своротить с него, но завяз в снегу и вынужден был снова вернуться на тракт и пойти навстречу солдатам, обошел их сзади и затем, совершенно разбитый душевно, чрезвычайно потрясенный всем происшедшим зашел по пути в

камеру мирового судьи, где встретился с письмоводителем суда Бошкаревым, подавшим мне стакан воды, а также с горным инженером А. Б. Вромирским, в присутствии которых я все время повторял:

— Что они наделали, подождали бы—хоть одну, только одну-две минуту, ведь рабочие готовы были свернуть.

Содержание

	Стр.
Автобиографическая заметка	3
Вступление	5
Нужда и безработица гнали людей на прииски	9
Кабальные условия работы на приисках	14
В казарме было не лучше, чем в шахте	23
Забастовка	28
Наши требования	33
Нарастание событий	36
Утро 4-го апреля	42
Расстрел рабочих	45
Забастовка продолжается	52
Рабочие бросают Ленские прииски	60
Руководители забастовки	66
Верные слуги капитала	73
Защитники капитала	83
Отзвуки забастовки в России и заграницей	87
Приложение. Исповедь либерала горного инженера Тульчинского	92

Ціна 75 коп.